

Александр Воронель

КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Аннотация:

При чтении этой книги чувствуешь себя на океанском лайнере, где в каждом отсеке идет захватывающий разговор. Здесь можно встретить самых разных людей - в том числе знаменитых, в том числе давно ушедших из жизни, - но готовых сообщить вам нечто нетривиальное. Вокруг бескрайнее море (это метафора внутренней свободы автора). Слышен надежный гул машинного отделения (это метафора мощного и трезвого интеллекта, обеспечивающего повествование). Вы ловите себя на невольной улыбке, между тем как веселого на самом деле мало, - это от неистребимой ироничности автора. Вам доставляет удовольствие элегантность всего, что окружает на лайнере, - это создается выразительностью и обманчивой простотой авторского стиля. Вы, казалось бы, в праздничном путешествии - и вдруг выясняется, что ваша мысль предельно напряжена, но, тем не менее, вам вовсе не хочется сбегать с этого семинара.

Анатолий Добрович

СТО ЛЕТ НЕПРИЗНАНИЯ

Часто именно ложные идеи поддерживают людей, а иной раз и обеспечивают им победу. Если бы большевики с самого начала не были одержимы утопической мечтой, они просто-напросто проиграли бы гражданскую войну и никакой советской власти в России бы не было. Если бы руководство Израиля в 1947 г. не было, в основном, просоветским, СССР не позволил бы ООН проголосовать за признание еврейского государства, и, возможно, его бы тоже не было. Если бы политика этого государства в течение долгих лет не опиралась на вдохновляющие мечты о мире с арабскими соседями, Израиль не смог бы вырасти в десять раз за 50 лет. Таким образом, жесткая политическая реальность зачастую строится на неверных и расплывчатых иллюзиях.

Именно с этой точки зрения я попробую проанализировать сегодняшнюю ситуацию в израильско-палестинском конфликте. Мне придется отказаться от политкорректности и согласия со многими общепринятыми стереотипами. Сами эти стереотипы, сложившиеся в результате прошлых удач, стали теперь в значительной степени причиной (или, по крайней мере, стимулами) сегодняшнего конфликта. Мне не обойтись без краткой истории вопроса.

С конца XIX века по множеству причин, которые сегодня нет смысла разбирать, наметился заметный приток евреев (и еврейских капиталов) в Палестину, тогда еще заброшенную провинцию отсталой Османской империи.

Насколько она была заброшена, видно из того факта, что когда после неудачной войны из России бежали черкесы, турецкое правительство не нашло более пустого места для их расселения, чем Палестина. Они и сейчас здесь живут и служат в израильской армии...

Идеи отцов сионизма были основаны на оценке ситуации того времени, включавшей почти пустую землю и редкое неразвитое население, для которого возведение еврейских поселений представляло несомненное (материальное) благо.

Международная пресса старательно умалчивает, что в течение примерно ста лет Еврейский фонд - "Керен кайемент" - собирал деньги со всех евреев мира и скупал неиспользованные земли в Палестине для еврейских поселений. Моя собственная бабушка в Харькове тайком показывала мне (60 лет скрывавшийся ею) сертификат, выданный ей "КК" в 1912 г. на что-то

около половины квадратного метра земли в Палестине, купленной на ее трудовые деньги.

В результате связанного с еврейским поселением оживления экономики возникла также и усиленная тяга в Палестину окрестного арабского населения из Египта и Сирии, открывшего для себя новые возможности заработка. Этот поток резко усилился после Первой мировой войны при британском управлении и до самого 1947 г. возрастал пропорционально притоку евреев. Жизненный уровень арабского населения Палестины отставал от еврейского, но был выше, чем в других арабских странах.

С самого начала понимание между лидерами двух групп было исключено из-за их разного положения в мире. Еврейское руководство было выборным и зависело от общественного мнения в Европе и разных идейных течений, а арабское - наследственным (хотя в угоду англичанам случались формальные выборы) и зависимым от поддержки родственных кланов (в том числе и из соседних стран).

Еврейская политика по отношению к арабам в течение десятилетий исходила из мифических интересов "арабских трудящихся" (Бен-Гурион: "Только в узких кругах арабской верхушки есть эгоистические причины бояться еврейской иммиграции... Могут ли быть сомнения, что только помощь еврейских рабочих приведет к развитию арабского рабочего класса?"), ставила своей целью сомнительное "взаимовыгодное сосуществование" и стремилась юридически обосновать свои достижения. То есть старательно закрывала глаза на качественное отличие арабского, феодального общества от европейских стереотипов. Этим она скорее импонировала британской администрации.

Арабская политика, направляемая трезвыми и проницательными аристократами, напротив, исключала всякий долговременный компромисс, отрицала законность договорных сделок с евреями и периодически (в 1920-1921, 1929 и 1936-1938) инициировала кровавые стычки (чтобы не сказать погромы). К тому же главный муфтий Иерусалима Хадж Амин Аль-Хусейни и военный лидер палестинских арабов Аль-Каукджи были открытыми сторонниками Гитлера и не скрывали своей враждебности к Британской империи. Хотя это не могло нравиться администрации, но внушало ей скорее страх, чем отвращение.

Британское правительство, избрав знакомую нам политику "умиротворения", которая позже нашла свое завершение в Мюнхенском соглашении с Гитлером, почти полностью потеряло контроль над обеими сторонами и, после Второй мировой войны, предпочло отказаться от управления Палестиной.

Решение 1947 г. разделить Палестину на два государства отразило не столько стремление членов ООН к справедливости, сколько их полное равнодушие к судьбам обоих народов. Никто не спросил, смогут ли эти государства существовать вообще и, в частности, в намеченных границах. Зная немного характер одного из участников этого судьбоносного решения, я подозреваю, что именно он и запланировал эту вечную войну, которая позволила бы СССР, наконец, протянуть свои руки прямо на Ближний Восток и в Средиземноморье, минуя турецкий барьер.

Легкость образования новых нестабильных государств на Ближнем Востоке после падения Османской империи создала благоприятную атмосферу для авантюризма вождей. Любой достаточно смелый офицер или предводитель небольшой шайки имел шанс возглавить новое государство. В такой атмосфере и пришлось Израилю вести свою Войну за Независимость, в которой каждая из соседних арабских стран призывала население Палестины к общепалестинской священной войне, а каждый полевой командир видел себя будущим президентом. Так как никакого арабского государства из этого не получилось, главарям, которым пришлось с боями уводить свои ополчения в соседние страны, осталось только винить в этом коварный Израиль. Так возник "многострадальный палестинский народ" и неразрешимая проблема "беженцев".

Несмотря на постоянную враждебность арабского мира, господствующим стремлением еврейского истеблишмента на протяжении последующих десятилетий было "укрепление еврейско-арабской дружбы". В этом отношении израильское леволиберальное крыло вполне унаследовало британское политическое лицемерие. Всячески превознося "еврейско-арабскую

дружбу", все израильские правительства, однако, в течение более 30 лет укрепляли пограничные поселения и стратегические опорные пункты.

Я не хочу, чтобы у читателя возникло впечатление, что я или кто-нибудь другой в Израиле против еврейско-арабской дружбы. Я только решительно против распространения заведомо ложного утверждения, что такая дружба где-нибудь в заметных масштабах существует. К сожалению, иллюзия, что если не называть беду по имени, она, быть может, и минует, укоренена в человеческом сознании, и мы сами скрываем от себя неприятную правду.

Многолетние попытки отрицать несовместимость арабских и еврейских интересов в Палестине разрушили единство еврейского народа в Израиле. Этот раскол впервые обнаружился еще в 30-х годах в сионистском движении и привел к отделению либеральной партии В.Жаботинского от социалистических партий. Впоследствии наследники Жаботинского превратились в израильскую парламентскую оппозицию, которой впервые удалось почувствовать вкус власти только в 1977 г. - через тридцать лет после решения о независимости. У правой оппозиции, кроме политического чутья Жаботинского, была еще, по крайней мере одна, причина для скептического отношения к арабскому миролюбию. По социальным причинам оппозиция включила гораздо большее число выходцев из арабских стран, для которых арабская культура вовсе не была закрытой книгой.

Политический парадокс заключается в том, что первый шаг к миру удалось сделать именно правому правительству Бегина, а не миролюбивому правительству Рабочей партии. Воинственная риторика правых, может быть, и раздражает арабские правительства, но остается им вполне понятной. Мирные предложения левых ставят арабов в тупик из-за невозможности уловить, в чем же их обманывают ("*В чем подкол?*")...

Наконец, благодаря безмерной щедрости предложений израильского премьера Эхуда Барака, Арафат понял суть дела: *евреи просто хотят забыть навсегда о нем и о его претензиях*. Этого не вынесла его душа, и он начал "интифаду Аль-Акса".

Я сильно забежал вперед в своем изложении, но в этом шутовском преувеличении содержится зерно всей проблемы. Еврейское государство может обойтись и без палестинцев, и без поселений (и, возможно, даже без Аль-Аксы, хотя это уже почти святотатство), а вот Палестинское государство самодостаточно существовать не может. Это было очевидно еще в 1947 г. арабским соседям, которые оккупировали его территорию, пока мания величия (и безответственная поддержка СССР) не толкнула Г.А.Насера на Шестидневную войну. Это было очевидно и всем американским и европейским экспертам по международным делам, которые зачастили в Израиль с 80-х, когда уже стало ясно, что ни Египет, ни Иордания получить обратно палестинские территории не захотят. Однако впоследствии и США, и Европейское сообщество изменили своей реалистической позиции в угоду арабским режимам, для которых престижные соображения, связанные с торжеством ислама, важнее благосостояния их народов и каких либо фактических достижений.

За годы "израильской оккупации" простые палестинцы нашли для себя более выгодным работать в Израиле или продавать туда свою примитивную продукцию, чем развивать собственное хозяйство. Напротив, их самозванные политические руководители занялись последовательным разрушением этих налаживающихся экономических связей. Они не согласились ни на минуту приостановить террор, потому что якобы мысль о существовании незаконных поселений израильтян на палестинской земле жжет им душу.

При слове "незаконные поселения" сердце современного человека вздрагивает сочувствием к согнанным с родных мест туземцам, разоренным жилищам, потоптанным пятой оккупанта полям...

Реальная картина разочарует романтика. Незаконные поселения - это израильские поселения, не получившие от правительства разрешения (и соответствующей охраны) занять пустующую землю на территории автономии, которую поселенцы считают своей.

Вожди Палестинской автономии старательно внушают миру, что палестинский народ - или по крайней мере его заметная часть - живет в мире рыцарской гордости и героических иллюзий и ему чужды заботы о хлебе насущном. Это впрочем не значит, что они забывают

требовать от всего мира гуманитарной помощи. Что толку, что история не знает ни кто были древние **филистимляне**, ни куда они бесследно исчезли. Одно это имя (слово), которое знакомо европейцам только из Книги, которую они называют Ветхим Заветом, дает вождям палестинских арабов предлог вписаться в ту историю, в которой раньше из-за еврейского эгоизма и христианской односторонности не было им места. Их поразительная щедрость в растрае жизней и средств своего народа на бесполезную и бессмысленную борьбу находит свое объяснение не только в злонамеренной поддержке арабских стран и щедрых пожертвованиях Европейского Сообщества, но и в их детской "игре ради славы и чести". Израильские политики часто горько сетуют, что "у них нет партнера по мирным переговорам".

А у доблестного палестинского руководства нет подходящего партнера по игре в поддавки, в которой выигрывает тот, кто жертвует жизнью большего числа собственных сограждан.

Спустя тридцать лет после решения ООН стало ясно, что для образования нового государства в современном мире недостаточно одного лишь энтузиазма и честолюбия вождей. Требуется еще многое: в частности, солидарный интерес достаточно большой группы предприимчивых, квалифицированных людей, готовых тратить свои силы и средства на организацию основной инфраструктуры (дороги, водопровод, связь, электричество, продуктивные отрасли хозяйства, здравоохранение, образование), а не только на пропаганду и вооружение... Восемь палестинских университетов (фактически колледжей) были основаны за время "израильской оккупации" при активном содействии израильских властей, но вместо центров будущей образованности они, в результате "академической неприкосновенности", превратились в склады оружия палестинских боевиков.

Все демократии оказываются слабы по отношению к террору, но Израиль имеет столетний опыт успешной борьбы с терроризмом. Этот опыт, однако, требует беспощадной уверенности в своей правоте. Это то единственное, чего Израилю постоянно недостает. Я уже упоминал, что в результате завышенных оценок перспектив мирного сосуществования израильский народ на время потерял ощущение своего единства перед лицом смертельной опасности. Многим людям стало казаться, что стоит нам отказаться от "каких-то там поселений", и - войне конец.

На самом деле тогда-то только мы и увидим настоящее начало. Терроризм - это норма, с которой Ближний Восток жил веками, и единственное изменение, которое внес XX век, состоит в усовершенствовании орудий убийства. Израильская политика в отношении арабов вообще, и арабов Палестины в частности, так долго питалась ложными представлениями об "общечеловеческих ценностях", внушенными европейским воспитанием, что и сейчас не все израильтяне освободились от этой слепоты.

При "правительстве национального единства" все негодование наших прозревших граждан было направлено на "коварство" Арафата, не желавшего мира, но, по существу, скорее напротив, израильский истеблишмент и европейское общественное мнение в течение длительного времени невольно вводили арабов в заблуждение. Соглашение в Осло, Нобелевские премии и широкое сочувствие "справедливой палестинской борьбе" создали у них ложное впечатление, что их победа близка. Свою победу они, конечно, представляли себе совсем не так, как израильские и европейские "миротворцы."

Они представляют ее примерно так же, как афганские талибы. То есть как конец еврейского государства, их безраздельное господство на всей территории Израиля и передел имущества в соответствии с их представлением о справедливости. Возможные при таком исходе кровавые жертвы сами собой разумеются, как оправданное возмездие евреям за их высокомерие. Воображение европейских либералов почему-то останавливается перед неизбежными последствиями победы того "справедливого дела"*, которому они так искренне сочувствуют.

** Вспомним, что и русские интеллигенты всей душой жаждали "победы революции". То, что произошло в 1917 году, было воспринято ими как неожиданность. Но русские аристократы, которые организовали "белое" движение, лучше знали свой народ, знали также, чего от него можно ожидать, и не заблуждались.*

Горячие прения в Кнессете и бесчисленные демонстрации борцов за мир арабы интерпретируют как предвестники новой серии уступок.

Еще чуть-чуть припугнуть жалких евреев, нажать на американцев, и Израиль в их руках! Фундаментальная разница в ментальности неустраима в политике. Рациональные, словесные объяснения на уровне народов неприменимы. Сэмюэль Хантингтон не выдумал проблему массового взаимного непонимания цивилизаций. Как добросовестный ученый он ее только обозначил.

Расширение кругозора рядового человека и глобализация сыграли с западной цивилизацией злую шутку. До тех пор пока мусульманский мир пребывал в глубоком сне, Европа могла безнаказанно отождествлять свою победоносную историю с историей человечества. Прогресс в известной нам со школьных лет истории - это развитие и экспансия Европы. Великими географическими открытиями мы называем заморские плаванья европейцев. В центре истории средних веков у нас стоит борьба пап и императоров, а не история халифата. Для всего этого есть свои причины. Но мусульманин видит это как свою вековую обиду...

Европейское образование и масс-медиа разбудили в широких кругах мусульман дремлющую амбицию. Они не хотят привыкнуть к своему положению на обочине. Каждый народ хочет быть в центре истории. Против Запада стали выступать отнюдь не бедные и невежественные, а скорее богатые и образованные. Точнее - амбициозные.

Вся изобретательность интеллектуальных элит мусульманских народов, вся их немалая предприимчивость и творческая потенция сосредоточились на компенсации их комплекса неполноценности, на мести европейцам за их историческое превосходство. Само это превосходство, полное невнимание европейских народов к мусульманскому миру они воспринимают как проявление злой воли и величайшую несправедливость. Так ребенок мстит родителям за невнимание. Он готов затеять пожар, чтобы родители, наконец, испугались и сосредоточились на его персоне.

Израиль в этом конфликте лишь второстепенный персонаж, выбранный как мишень для ненависти из-за своей относительно большей доступности - "слабое звено".

Претензии палестинских лидеров направлены не по адресу. Палестинцы живут не хуже жителей других арабских стран. Израиль не мог бы взять их за руку, благополучно провести через все лабиринты их собственной истории, пронести над омутами и без потерь посадить на сухое место меж молочных рек. Израиль не может "дать" им государство. Бюджет своего государства и свою инфраструктуру они должны обеспечить себе сами. Никакие наши уступки не скомпенсируют палестинцам фундаментального культурного отставания, на которое обрекла их собственная история.

Однако террор является как раз тем полем, на котором они вполне конкурентоспособны и могут приковать к себе внимание всего мира. Это и есть тот единственный товар, который их вожди выносят на международный рынок. Разбойничья удаля во многих (особенно молодых и бедных) обществах более распространенная черта, чем интеллект и трудолюбие. Война, таким образом, становится тем простейшим средством конкуренции цивилизаций, которое в первую очередь привлекает внимание амбициозных лидеров. Поэтому творческие способности мусульманских народов сосредоточились в основном в военно-политической сфере, позволяющей напомнить о себе наиболее действенным образом.

Война - не худшее из человеческих занятий и имеет за собой многотысячелетнюю престижную традицию. Культура войны в большом почете у мусульманских народов. Военная профессия к тому же единственная массовая техническая профессия во многих мусульманских странах, обеспечивающая вполне современный уровень специалистов. Народные массы очень ценят своих военных героев. Духовные лидеры ислама поощряют это настроение. Причины для войны всегда находятся, и почетное поражение совсем не позорит погибших. Эта культурная ситуация поощряет все новые и новые темпераментные группы во всех мусульманских странах пытаться свое счастье.

Взбудораженный и подбодренный силой нефти арабский мир переживает сейчас кризис

самоопределения. Их харизматические вожди психологически подошли приблизительно к уровню, на котором в начале прошлого века находились Россия или Германия, хотя сами народы, в основном, не перешли еще и через грань Просвещения. У честолюбивых людей в их мире всегда находится место подвигу. Все современные арабские диктаторы начинали как супермены-воители, сильной рукой и террором захватившие власть в своих странах.

В этом еще не окончательно сложившемся мире существует и подспудная тяга к национальному единству. Г.А.Насер был первый, кто откровенно претендовал на роль всеарабского лидера. М.Каддафи и Х.Асад остались непризнанными кандидатами. Широкие массы охотно участвуют, как пушечное мясо, в войнах диктаторов за престиж. Саддам Хусейн затеял войну с Ираном, а потом и против США не из-за объявленных им нелепых причин, а в своей личной борьбе за общенациональную популярность. Сотни тысяч граждан Ирака погибли, но зато среди оставшихся в живых его авторитет непреклонного вождя неизмеримо вырос. Жажда сосредоточить на себе внимание сильнее в выдающихся людях, чем в мелких. Ричард Львиное Сердце или Наполеон тоже воевали не за благополучие своих подданных.

Арафат годами умудрялся приковывать внимание арабской аудитории. Сначала он прославился своими успешными террористическими операциями. Затем, сумев под страхом смерти обложить палестинских выходцев всего мира налогом в свою пользу, он показал себя также выдающимся организатором. Наконец, связавшись с КГБ, он сумел развернуть такую успешную пропагандистскую кампанию вокруг "палестинского дела", что популярность его на Западе сравнялась с популярностью Фиделя Кастро и Че Гевары. (Собственно, это и справедливо, поскольку те двое ничем не лучше его.) В ходе этой кампании "палестинское дело" каким-то образом включило и мировую "антиколониальную революцию".

Из года в год посещая одни и те же университеты в Германии и США, я мог судить об уровне популярности "палестинского дела" по площади, занимаемой им на студенческих досках объявлений. Меня поражало, что до самого конца существования СССР борьба за права палестинцев уверенно опережала даже борьбу за права гомосексуалистов. Похоже, не было в мире более угнетенных народов. В начале 90-х палестинцы совершенно исчезли с доски объявлений...

В ходе Перестройки в СССР Арафат лишился поддержки и стал стремительно падать в финансовую пропасть. В 1987 г. он начал "интифаду" (восстание), заставшую тогдашнее израильское правительство врасплох (все события в демократических странах застают их правительства врасплох). Экономические связи "оккупированных территорий" с Израилем прервались, палестинцы резко обеднели и пришли в ярость, международное общественное мнение было возмущено. Не без внутренней борьбы израильское правительство протянуло тонущему Арафату руку для заключения мирного соглашения.

Здесь-то и сказался его выдающийся стратегический и дипломатический талант, совершенно таинственным образом давший ему возможность завоевать беспрецедентное доверие большей части израильского политического бомонда.

В Осло ему удалось невероятное: соглашение с Израилем предусматривало "территории в обмен на мир"! Такую формулу мог придумать только человек (кто бы это первоначально ни был), готовый полностью пренебречь тысячелетней западной логической культурой. Материальную вещь (территорию) невозможно обменять на расплывчатое, абстрактное понятие (мир). Что такое территории, знают все (хотя позже выяснилось, что сколько и какие именно территории, тоже осталось не до конца ясным), а что такое "мир" разные люди и народы понимают в корне по-разному. Можно думать, что имелись в виду только разговоры о мире. Тогда следует считать, что у нас и сейчас мир; ведь сегодня в военных действиях участвуют не разом все 40 тысяч палестинских бойцов, а то одни, то другие. В промежутках между терактами еще остается время для переговоров.

В результате такого мира Арафат безопасно переселился из Туниса на палестинскую территорию вместе с основным составом своих боевиков и тут столкнулся с по-настоящему трудной проблемой создания государства на пустом месте. Некоторое время он перебивался за счет западных пожертвований на мирный процесс, продолжая громко разоблачать Израиль,

который по-прежнему не отдает ему поселений (что бы он делал с поселениями, если бы их получил?). Когда эта карта была уже отыграна, а деньги на развитие разворованы соратниками, Арафат стал все больше склоняться к защите общих мусульманских святынь и разжигать "священную войну", чтобы получить поддержку от фундаменталистов и вызвать действенные симпатии всего мусульманского мира. В сентябре 2000 года он начал "интифаду Аль-Акса" за "святые места", которым, впрочем, ничто не угрожало.

Трудно сказать, знал ли он заранее о надвигающейся акции 11 сентября и поспешил выскочить вперед, или просто чутье политического авантюриста подсказало ему более надежную опору, чем европейские гуманисты. Между прочим, он мог и располагать информацией, так как, конечно, в "Аль-Каэде" есть палестинцы.

После 11 сентября 2001 весь мир переменился. В первую очередь арабский мир. Бен Ладен сразу затенил всех претендентов на первенство и превратился в неформального лидера, права которого неоспоримы. Ни Арафат, ни Саддам уже не смогли бы претендовать на большее, чем стать его последователями. К тому же, в отличие от них, он настоящий мусульманин и не запятнан предательствами и политиканством. Как бы ни кончилось сегодняшнее сражение против терроризма, Бен Ладену обеспечено тайное поклонение и благоговейная память десятков миллионов мусульман. Их внимание останавливается не на ужасе напрасно пролитой крови, а на престижном балансе, который теперь якобы уравнивает их с американцами. Подобно этому и палестинцам кажется, что, убив десяток случайных прохожих в Израиле, они как-то повышают свой статус ("заставили с собой считаться!").

Но мир переменился и для Запада. Урок, который Бин Ладен ему преподнес, ткнув пальцем в его солнечное сплетение, по своему сокрушительному смыслу напоминает нападение японцев на Пирл-Харбор или бомбардировки английской территории ракетами У-2 из Германии.

Пирл-Харбор кончился для Японии атомной бомбой, Германия была разгромлена и разделена на 45 лет...

Такова природа демократических обществ. Патологическая трусость и уступчивость в мюнхенских переговорах (пока еще была надежда войны избежать) довершилась целеустремленной жестокостью в войне, когда она оказалась неизбежна.

Психологическая слабость нашего правительства, которое разрешило десяткам тысяч профессиональных боевиков высадиться на территории Палестины (и сесть на шею ее населению) в надежде заключить мир, характеризовала тогда не местную израильскую ситуацию, а общую тенденцию Запада по возможности уклоняться от военного конфликта. Но с годами стало очевидно, что местная ситуация не оставляет такой возможности. А миролюбие западного гуманиста в Израиле истощилось уже почти до того последнего предела, за которым начинаются ковровые бомбардировки.

Наша страна сейчас находится на пороге болезненных важных решений. Антитеррористическая война означает для демократического общества серьезное изменение стиля жизни и поведения. Она означает также нарушение многих заповедей привычного нам гуманизма. Ничего хорошего от такой войны не только врагам, но и нам самим не следует ожидать. Однако не исключено, что всему свободному миру этой войны не избежать. И нам в Израиле тоже рано или поздно не обойтись одними булавочными уколами. Мы можем дожидаться американской инициативы в смене курса всей антитеррористической коалиции или сами стать ее инициаторами. Все равно в обоих случаях именно нас будут винить в зверствах против "мирного" населения и нарушениях прав человека. Желательно, конечно, проявить максимум осторожности в этом исключительно деликатном и одновременно "грязном" деле, но только не за счет увеличения количества жертв с нашей стороны. Боюсь, что с чувством абсолютной правоты, которое так согревало сердца первых поселенцев, израильтянину придется распрощаться.

Неожиданность, которую следовало ожидать

Весь июнь 2000 г. за ланчем мы сидели втроем: Ханан - израильтянин из Техниона, я - бывший москвич из Тель-Авива и Джон - профессор университета в Сизэттле, пригласившего нас обоих на несколько месяцев для совместной работы.

Ханан кипятился по поводу переговоров в Кэмп-Дэвиде и пугал Джона приближающейся войной. Джон, как всякий американский еврей, при всем сочувствии Израилю упивался надеждами на мирное урегулирование. Американцу трудно поверить, что компромисс порой может быть опаснее, чем конфронтация. Это противоречит его мировоззрению. Идеальный американец живет утопией, основанной на идее об общественном договоре. Нарушение договоров он воспринимает не как злонамеренное желание использовать против него сам принцип, а как неизбежное отклонение человеческих существ от чаемого совершенства.

Я пытался подсластить Джону горькие пилюли, на которые был так щедр Ханан. Но это давалось мне с трудом. Во-первых, потому что я и сам чувствовал себя израильтянином. Во-вторых, мое жестокое российское прошлое подсказывало мне то же самое, что Ханану - его израильское. Ханан в молодости служил в разведке и составлял себе представление о намерениях противника не по газетам:

"Чем больше уступает Барак, тем труднее положение Арафата. Поэтому он формулирует свои требования в расчете на их невыполнимость. Ведь после подписания мирного соглашения он останется один на один с голодным народом, которому ему нечего предложить. Его планы и амбиции не имеют никакого отношения к благосостоянию этих людей. Сейчас он - одна из самых влиятельных фигур в международной политике, соучастник планирования будущих судеб арабского мира, человек, способный сконцентрировать на себе внимание миллиарда мусульман и, может быть, направить его в новое русло. Ширак и Клинтон пытаются его задобрить (за наш счет) и даже готовы на финансовые жертвы в надежде, что, став главой своего государства, он мигом потеряет все это влияние и превратится в ординарного иждивенца европейских наций. Но он не собирается так продешевить. Как личность он неизмеримо крупнее своих партнеров по переговорам".

Бедный Джон никак не мог это переварить. Его демократическое сознание не вмещало такого цинизма. То, что говорил Ханан, так не вязалось со всей мировой прессой!

" - Не могут же все лгать.

- Лгать, может быть, слишком сильное выражение, но потакать обывательским взглядам большинство журналистов весьма склонны.

- Но разве мир не лучше войны?

- Смотря для кого. Для нас, конечно, лучше, если это действительно мир, то есть если он обязывает обе стороны. Но если для Арафата и его окружения это всего лишь промежуточная фаза в многолетней войне против нас, нам нужно осознать это и реагировать соответственно. Зачем нам обманывать свой народ и мировое общественное мнение, называя наши уступки мирным процессом, а рейды террористов случайными эксцессами? Арафат сумел собрать вокруг себя тысячи людей, для которых война - это профессия, и мир для них - конец их привилегий. Они могут согласиться на него только в очень крайнем случае. Может быть, они и согласились бы получить взамен что-нибудь действительно впечатляющее, но, во всяком случае, не государственную независимость, которая будет означать для них всего лишь перманентную нищету. Это верно, что такую войну нельзя выиграть одними военными средствами. Но прекратить ее одними уступками тем более невероятно!

- Но если наступит мир, палестинцы опять смогут найти работу в Израиле и проблема их благосостояния будет решена. Постепенно они научатся основам демократической жизни и смогут жить, как все богатые, цивилизованные народы.

- А тогда зачем им нужно палестинское государство? Работать на израильтян можно и без государства. Суть дела в том, что пока они научатся основам демократической жизни, пройдет два или три поколения. А их вожди и военная верхушка хотят уже сегодня жить, как в богатых странах, и с помощью войны это им удастся. Они, впрочем, не прочь присваивать и

гуманитарную помощь, которую посылают на всех. Пока они не научились демократической жизни, это даже не кажется им преступлением.

- Но все-таки должен же Арафат считаться с интересами своего народа! Десятки тысяч палестинцев работали в Израиле или привозили продукцию своих огородов и садов, а военные действия приводят к их обнищанию.

- Зато тысячам других палестинцев - молодых и амбициозных - война дает смысл и средства существования. Арафат живет в мире большой политики, лавирует между американским президентом и саудовским королем, никому не дает отчета в своих делах и финансах и не собирается заниматься обеспечением пропитания для палестинских работяг. Но у него хватает средств для содержания палестинских головорезов, которых он называет полицией. Если бы Арафат подписал мирный договор с Израилем, ему пришлось бы заняться бюджетом своего карликового государства, найти новые источники существования для своего неквалифицированного населения и придумать новые причины для жалкого положения своей страны. В мирном сосуществовании с Израилем его население неконкурентоспособно, а военное счастье, как известно, переменчиво. К тому же вечная демократическая грызня в Израиле поддерживает у арабов иллюзию, что они не сегодня завтра, вот-вот победят...

- Но зачем тогда Арафат пошел на соглашение в Осло?

- Во-первых, у него просто не было выхода. Он лишился поддержки СССР и стремительно падал в финансовую пропасть. Ни одно арабское правительство не радовало перспектива держать у себя его боевиков. Израильское правительство предложило ему отдать часть территорий и содержать этих бандитов в качестве полиции будущей автономии в обмен на мир. Он быстро понял, что слово "территории" содержит нечто конкретное, а в слово "мир" разные люди вкладывают разный смысл. (К тому же в арабском языке есть два разных слова, обозначающих мир, - "салам", означающее окончательный мир - спокойствие, и "сульх", означающее перемирие, прекращение военных действий, перерыв. Во-вторых, за эти реальные уступки от него требовалось немного, всего лишь символические действия - формальная отмена Палестинской хартии, включавшей требование уничтожения Израиля, и обещание воздерживаться от террора. Такие действия, в сущности, не ограничивают палестинское руководство (не больше, чем другие арабские правительства), которое хорошо научилось водить за нос европейское общественное мнение. В своей же среде у них не было и нет необходимости стесняться. Вот, например, высказывание одного из главных соратников Арафата, Набиля Шаата (1996 г.): "Пока израильтяне движутся в нужном нам направлении, мы готовы с ними сотрудничать. Но в ту секунду, когда они скажут, что запас уступок исчерпан, мы возьмемся за оружие. Разница только в том, что тогда у нас будет 30 тысяч обученных и вооруженных бойцов в освобожденных районах". Примерно то же говорил много раз и Арафат, хотя в более осторожной форме. Барак резко приблизил столкновение с Арафатом, попытавшись перескочить к постоянному урегулированию, поскольку Арафат предпочитал схему сменяющих друг друга промежуточных соглашений, в рамках которых израильтяне уступают ему свою территорию, а он празднует якобы свою очередную победу.

- Почему же тогда израильское руководство пошло на это соглашение?

- Потому что в Израиле, как и во всякой другой демократической стране, есть большая часть населения, которая верит, что уступки агрессору предотвратят войну. Потому что мирная жизнь в этой стране так привлекательна, что провоцирует забыть о далеких опасностях, которые произойдут (а вдруг не произойдут?) от сокращения территорий и приближения границ. Потому что и Гитлер в свое время, не стеснясь, говорил, чего он хочет, а демократические лидеры упорно внушали своим народам, что все это пустые слова, а на самом деле с ним можно договориться. Потому что и в странах диаспоры половина евреев и сейчас верит, что если они будут хорошо себя вести, антисемитизм сам собой исчезнет. Способность человека верить в то, что его успокаивает, облегчает жизнь. Оптимисты живут дольше...

- Какое же решение вы предлагаете?

- Мы, физики, хорошо знаем, что не все задачи имеют решение. Конфликт отцов и детей неразрешим. Сытый голодного не понимает. Демократии поражены коррупцией... Тем не

менее жизнь продолжается. И в тех же демократиях даже происходит некоторый прогресс. Уровень безопасности израильского гражданина сейчас среди самых высоких в мире. Он не повысится оттого, что Арафат подпишет с нами еще одно соглашение. Наша безопасность определяется не его намерениями, а нашей способностью себя защитить. И так будет еще десятки лет, пока мы, как и весь западный мир, подвергаемся агрессии со стороны бедных и неустроенных народов, которые не знают других способов улучшения своей жизни, кроме войны. Очень глупо облегчать им эту агрессию, вместо того чтобы наглядно продемонстрировать им гибельность этого пути. В будущем, возможно, произойдут изменения, которые смягчат эту конфронтацию.

- Каков же ваш сценарий будущего развития?

- Арафат будет ужесточать свои требования в расчете поднять уровень конфликта. Его задача - создать впечатление, что проблема носит глобальный характер. Все мусульмане должны быть заинтересованы в палестинском вопросе - и для этого ему нужна Аль-Акса. Он всячески постарается и христиан впутать в свои дела. Только палестинцы - истинные хозяева - якобы могут обеспечить надежную сохранность святых мест всех религий (кроме, конечно, еврейской, которая известна своими заблуждениями). Чем больше уступит Барак, тем больше Арафат будет подчеркивать недостаточность уступок и, в конце концов, он будет якобы вынужден к военному конфликту. Он, конечно, не сможет победить, но его политическое значение во всем мире и, особенно, роль защитника всех верующих от безбожных сионистов значительно вырастет. По ходу дела погибнет еще и несколько сотен самых темпераментных палестинцев, которые могли бы составить угрозу его личной диктатуре. А то, что ему было обещано в ходе переговоров, уже как бы само собой рано или поздно приплывет ему в руки, по мере того как евреи будут привыкать к этим требованиям."

По дороге в лабораторию Джон с кроткой улыбкой осуждал буйную политическую фантазию Ханана, а я с ужасом думал: "А что будет, если Арафат все-таки согласится на мирное соглашение? Ведь тогда они начнут стрелять в нас и подкладывать бомбы уже не из Газы, а прямо из Иерусалима..."

Прошло три месяца. Мы с Хананом вернулись соучаствовать в его сценарии. Джон остался мучиться своими сомнениями в Сиэттле. Мир удивлялся или негодовал. В Европе спалили несколько синагог. Отчасти это было сюрпризом. Но не исключено, что тамошние евреи просто плохо себя вели?

Знакомая канадская киножурналистка рассказала моей жене, что примерно тогда же, когда мы с Джоном спорили в Сиэттле, она снимала свой репортаж в Газе и общалась с местными интеллектуалами. Все они в один голос уверяли ее, что из этих переговоров ничего не выйдет, но так же единогласно уклонялись от съемок. Таким образом сказать, будто никто не мог предвидеть того, что случилось, нельзя. По обе стороны линии фронта были люди, которые знали, что вскоре произойдет. Вопрос, почему это оказалось сюрпризом для мирового общественного мнения. Разве то, что всегда было известно нам с Хананом (а также жителям Газы), не могло стать известным всем?

Вопрос этот не так прост. И он не исчерпывается обвинением тележурналистов в необъективности. Трудность, которая равно не дается большинству журналистов и читателей, состоит в том, чтобы представить себе иную культуру и соответствующую ей психологию. Одни и те же поступки в разных культурах оцениваются по-разному.

Читая "Илиаду" Гомера, человек, принадлежащий иудео-христианской цивилизации, сочувствует побежденному Гектору, храбро защищавшему свою родину. А текст воспеваает славу агрессору - жестокому убийце Ахиллесу, чья храбрость не подверглась испытанию, поскольку он был неуязвим и знал это. Норвежский парламент присудил премию миротворцам Рабину, Пересу и Арафату за их готовность заключить соглашение, а десятки миллионов мусульман (и с ними Владимир Жириновский) рукоплещут Саддаму Хусейну за его неуступчивость американскому империализму. Родители убитых палестинцами израильских солдат едут на встречу с Арафатом, умоляя его остановить кровопролитие, а семилетняя палестинская девочка в ответ на вопрос журналиста, чего она хочет в новом году, наивно отвечает: "Чтобы

убили всех евреев". Эта разница культур не определяется государственными границами. В той же самой стране одни люди проклинают С. Милошевича за то, что он навлек беду и позор на Югославию, а другие смотрят на него как на рыцаря славянской чести.

Арафат сложился в совершенно чуждой нам культуре, однако вынужден был жить и действовать в постоянном контакте с европейцами. Он в совершенстве овладел европейскими клише, но совершенно не поддался европейскому влиянию. Подобно Фиделю Кастро, он оказался гораздо более жизнеспособным последователем советской политической культуры, чем сам СССР. Отличие и удача его движения в сравнении с европейскими террористами, поддержанными Москвой, например, бандой Баадер-Майнхоф, состояло в том, что европейцы действовали против своей гуманно-христианской традиции, а Арафат действовал в мусульманской среде, как бы естественно. Если вопрос о соотношении цели и средств несколько отягощал европейцев, в случае Арафата средства были совершенно адекватны его цели и находились в согласии с народной мечтой о победе над неверными. Европейцы как бы жертвовали собой, брали грех на душу ради великой цели, а члены ФАТХа, напротив, выполняли почетный долг всякого правоверного и пользовались одобрением своих родных и религиозных авторитетов.

Глубокомысленный советник израильского премьер-министра Гилад Шер сказал: "Все мы стоим перед загадкой, имя которой - Арафат... Он должен выбрать для себя определенную роль: политика или мечтателя-революционера, жаждущего остаться в истории таким Саладином (Салах ад-Дин - полководец, разгромивший крестоносцев в Палестине). Выбрав роль исламского воителя, он удовлетворит экстремистов, но не сможет обеспечить конкретные нужды своего народа".

Жаль, что израильтяне не во всех подробностях знают российскую историю. Высказывание Шера по своей наивности идентично словам члена Временного правительства (кажется, Чхеидзе), сказавшего в 1917 в присутствии Ленина, что "нет такой партии в России, которая могла бы единолично взять и удержать власть". Большевики долго потом смеялись над его простотой (пока их самих не начали расстреливать).

У Арафата есть и более близкие примеры для подражания, чем Саладин и Тамерлан. Он, конечно, лучше Шера знает, кого ему надо удовлетворить в первую очередь и как. Его герои - Саддам Хусейн и Муамар Каддафи, которые не очень-то церемонятся со своими молчаливыми народами. Судьба не дала ему нефти, но и с помощью всего лишь бедного рассеянного палестинского народа он сумел сколотить личный счет, превышающий десять миллиардов долларов, и армию соратников. Он любезно согласился принять Нобелевскую премию мира, но, конечно, и не подумал прекратить жуткую антиизраильскую пропаганду на предоставленной ему территории. Все беды, которые теперь посещают палестинцев, начиная от пищевых отравлений после еды немытыми руками вплоть до СПИДа, подхваченного в европейских притонах, идут от происков сионизма. В школе их дети изучают тысячелетнюю историю доблестного палестинского народа, которого невесть откуда взявшиеся коварные сионисты обманом лишили Родины. По ходу военных столкновений регулярно появляются невинные дети (см. выше), убиенные израильскими извергами. Стрельба по евреям производится не просто откуда удобно, а из монастырей и христианских домов в расчете на израильскую реакцию, которая вызовет ожидаемый конфликт и с христианами. Арафат смело требует передать ему также и христианские святыни... Реакция христиан проявляется в повальном бегстве из палестинской автономии. Вифлеем перестает быть христианским городом. Европа негодует. Мирный процесс идет.

Пишут ли об этом в газетах? Показывают ли по телевизору? Итальянский корреспондент, заснявший на пленку зверское убийство двух израильских резервистов в Рамалле, еле унес ноги от справедливого гнева палестинского народа. Кадры эти были показаны в Европе и в Америке. Изменило ли это что-нибудь?

"Ах, как это ужасно! Вы должны скорей договориться, чтобы этого больше не было".

Подскажите, с кем договориться.

МАЛЕНЬКИЙ ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК

Сегодня, 7 февраля 1999, около 11 утра Иорданское правительство объявило о смерти короля Хусейна, вернувшегося на родину после безуспешной попытки лечения в США. На похороны главы этого маленького, бедного государства спешат сегодняшний президент Соединенных Штатов и еще четыре бывших американских президента, министры всех стран Европы и премьер-министр Японии. Чем вызвано такое внимание? Король Хусейн несомненно представлял собою исключительное явление, но понять это явление вне его исторического контекста невозможно.

Хусейн стал королем в 1952 г. после того, как на его глазах в иерусалимской мечети его дед - король Абдалла - был убит палестинским террористом за то, что накануне встретился с Голдой Меир для мирных переговоров. Хусейн царствовал 47 лет, поставив своеобразный рекорд долголетия на троне (дольше его царствовала только английская королева Елизавета), несмотря на десять покушений и серьезную попытку гражданской войны, предпринятые его палестинскими подданными. В течение многих лет Хусейн вел тайные переговоры с правительством Израиля, которые в 1994 г. завершились мирным договором.

В том карточном домике, который представляла собой система марионеточных государств Ближнего Востока, сложившаяся в результате лихорадочного дележа наследия Оттоманской Империи между Англией и Францией, Иордания попала на самое дно пирамиды. Спустя три четверти века, благодаря умной, компромиссной политике Абдаллы и Хусейна, Иордания, не имевшая первоначально шанса на выживание, превратилась в самостоятельное государство, определяющее будущее развитие мира на Ближнем Востоке. Вся пирамида взаимоотношений будет потрясена до основания, если эту карту выдернуть из середины...

Однако, помимо политических расчетов, экономических опасений, военной стратегии есть еще в образе "маленького короля" неотразимое обаяние рыцарства. Романтическая верность обязательствам, мужественная поза воина, по своей воле выбравшего мир для своего народа и поставившего свою жизнь на эту карту. В конце века, который превратил бесчестье почти в общую норму, эта несовременная поза маленького короля сделала его великим человеком.

Чувства израильтян по поводу смерти короля Хусейна не так просто описать. Наша жизнь слишком сильно зависит от всего, что творится рядом. Государственные границы - слишком тонкие перегородки, чтобы мы могли чувствовать себя в безопасности в связи со сменой власти в Иордании. Арабские государства - слишком недавние и нестабильные образования, чтобы можно было рассчитывать на здравый смысл обывателей или какие-нибудь устоявшиеся национальные традиции.

Тому, кто хочет понять, что происходит на Ближнем Востоке, нужно забыть на время европейские мерки, марксистскую догматику и русскую литературу. На Ближнем Востоке, бывшем в давние времена цветущим садом, а за полторы тысячи лет религиозных войн и турецкого господства превратившемся в поросшую колючками пустыню, немногие помнят, что "человек по природе добр", что "история человечества - это история борьбы классов" и, что "глас народа - глас Божий".

После Первой мировой войны Британское правительство получило мандат Лиги Наций на Палестину, 300 лет бывшую глухой провинцией Оттоманской Империи. Хотя в основе решения Лиги Наций содержалась мысль о создании в Палестине "Еврейского национального очага", первым делом англичан тогда было расплатиться с вождями арабских племен за их поддержку в войне против Турции. Больше двух третей Палестины было выделено бедуинскому роду Хашимитов из Хиджаза (Аравия) под эмират, который чиновники Британского Министерства Колоний, не долго думая, нарекли Трансиорданием ("Зайорданье").

К племени хашимитов принадлежал сам пророк Мохаммад и для всего мусульманского

мира такая принадлежность очень много значила. Значит и сейчас. Хотя бедуины говорят на арабском языке и в русской литературе их не отличают от "арабов", они сами думают про себя совершенно иначе и оскорбляются, если их путают с другими. Именно бедуины, пришедшие из соседней Аравии, составили военную и бюрократическую верхушку вновь созданного государства, которому англичане оказали всемерную, многолетнюю помощь. Эта верхушка и сейчас составляет господствующее национальное меньшинство в Иордании, которому принадлежит решающая роль во всех делах.

Король Абдалла - дед Хусейна - проявил выдающиеся качества политика и сумел не только в течение многих лет продержаться на своем шатком троне, но и с большим умом использовать английскую поддержку. Он превратил своих бедуинов в лучшую в регионе армию, ввел у себя разумные законы и наладил экономику, благодаря чему его государство осталось на плаву даже после ухода англичан.

В 1947 г. ООН большинством голосов (при поддержке СССР) принял решение разделить и оставшуюся треть Палестины еще на два государства: еврейское и арабское. Абдалла немедленно воспользовался этим и оккупировал ту часть, которая должна была составить арабское государство (кроме сектора Газы, оккупированного Египтом). Конечно, все заинтересованные лица в то время понимали, что никакого арабского государства не может быть за отсутствием инфраструктуры, но дипломаты Британской Империи надеялись таким образом усилить свои позиции, предложив двум своим тогдашним вассалам - Трансиордании и Египту - округлить их владения.

С тех пор Трансиордания стала называться Иорданией, а арабы Западного берега Иордана на двадцать лет оказались подданными ее короля.

Однако, начиная с этого момента, из географии исчезло столь значимое в истории слово - Палестина. Остались только Израиль и Иордания. Причем, Израиль был определен как еврейское государство, а Иордания, как бедуинское, хотя бесправное большинство в нем составляли арабы. Спустя тридцать лет после Первой мировой войны это были уже не те арабы, что безропотно подчинялись кому попало, а арабы, привыкшие к британской палестинской администрации, которая всячески поощряла в них зачатки самоуправления. Таким образом открылась вакансия для нового, "палестинского" народа...

Существует в философии лингвистическое направление, которое утверждает абсолютный приоритет словесных формул в сознании (а следовательно и в исторически реализуемой активности) людей. Не берусь судить категорически, но мне кажется, что победа Ленина в революции была предопределена его выбором названия для своей малочисленной партии - БОЛЬШЕВИКИ. Партия меньшевиков не смогла бы победить в России независимо от ее программы и качеств вождей, просто потому что "меньшее" в массовом сознании неизбежно уступает "большему".

Примерно такой же уровень интуитивного политического дальновидения проявил и Ясер Арафат, назвавши свое движение "палестинским". Палестинцами теперь можно называть и большинство населения Иордании, и израильских арабов, и жителей Палестинской автономии на Западном берегу Иордана, и многочисленных беженцев из районов военных действий 1947-1948 гг., рассеянных по всему свету. ("Кто это палестинцы?" - недоумевала Голда Меир: - "я - палестинка.") Это имя, основанное на христианском названии местности, придало локальной проблеме статуса Западного берега неожиданно глобальное значение, от которого зависит и стабильное существование двух государств - Израиля и Иордании - и престиж двух мировых религий.

Культурная наполненность слова "Палестина" настраивает любую европейскую аудиторию на высокий, мечтательный лад ("Скажи мне ветка Палестины, где ты росла, где ты цвела...") и исключает мысль о зле и насилии.

Хусейн стал королем после того, как на его глазах король Абдалла был убит палестинским боевиком за то, что накануне встретился с Голдой Меир для мирных переговоров. Конечно, Абдалла встречался с Голдой не из необъяснимой любви к евреям, а исходя из трезвой оценки перспектив и интересов своего народа. Но... если бы террористические организации

состояли из трезвых людей, вся история человечества, возможно, пошла бы другим путем.

Следует также заметить, что террор является пока единственной действенной формой оппозиции во всем арабском мире от Индийского океана до Атлантического, и Иордания не была исключением.

Вступив на должность в 1952 г., Хусейн правил 47 лет. Во всех арабских странах за это время успели произойти государственные перевороты. В некоторых - не по одному разу.

Решение Лиги Арабских стран в 1967 г. толкнуло и его (вместе с Египтом и Сирией) на участие в агрессии против Израиля, которая была впоследствии названа Шестидневной войной. В результате Иордания лишилась Западного берега и Восточного Иерусалима и в нее хлынул поток обозленных (и вооруженных) "беженцев", которые воспринимали это поражение как историческое недоразумение. Теперь уже, в отличие от 1947 г., эти люди были объединены общей бедой и вдохновляющей идеологией "палестинской революции", которая каким-то чудесным образом освободит все угнетенные колонизаторами народы. Нет нужды объяснять, что они были также вооружены советским оружием и отчасти советской фразеологией. В течение нескольких лет они сумели совершить десять покушений лично на короля Хусейна, а также множество убийств его министров и членов семьи.

Наконец, в 1970 г. они начали гражданскую войну против короля и призвали себе на помощь Сирию. 1 сентября газета ФАТХа - самой крупной организации палестинцев - призвала к свержению короля Хусейна. 17 сентября палестинцы обстреляли столицу Иордании - Амман. 21 сентября две сирийские бронетанковые бригады вторглись в страну и заняли второй по величине город Ирбид. В ответ иорданская армия перешла в наступление, разгромила базы ФАТХа по всей стране и нанесла поражение сирийской танковой колонне. Более 8000 палестинских боевиков были убиты и десятки тысяч ранены. (По другим сведениям убито было 20 000 палестинцев.) Большая часть бойцов ФАТХ, спасая свою жизнь, вброд перешли Иордан и сдались израильским войскам. Какая-то часть сумела бежать в Ливан. Сентябрь 1970 г. вошел в историю палестинского движения, как "черный сентябрь".

По-видимому, именно этот сентябрь (или американская финансовая помощь) окончательно убедил Хусейна в необходимости мира с Израилем. Хотя Иордания еще со времен Абдаллы проводила регулярные тайные консультации с израильскими дипломатами, в октябре 1970, впервые после смерти старого короля, такая встреча состоялась на высшем уровне.

Трудно назвать короля Хусейна "голубем" в общепринятом европейском смысле, но в его лице Израиль впервые обрел партнера по переговорам. Как сказал один поэт: "Пошли нам, Боже, честного врага!" До переговоров с Хашимитским домом Израиль встречался в арабском мире только со слепой ненавистью, не принимающей в расчет никаких резонансов. Король Хусейн вел переговоры, чтобы договориться. Вопреки всем теориям воля одного человека в истории значит очень много.

Во всех арабских странах сегодня существуют авторитарные режимы разной степени жесткости. Эта авторитарность в какой-то степени соответствует феодальной, по-существу, структуре арабских обществ и отсутствию национальной солидарности.

Лет двадцать назад, проходя резервную службу, я вместе с другими солдатами охранял строительный объект вблизи Шхема (арабское название - Наблус). Строительные рабочие-палестинцы - веселые, двадцатилетние мальчишки - дружелюбно приглашали нас к своему костру. Они объясняли, что предпочитают работать на израильских объектах не только потому что израильтяне лучше платят, но еще и потому что спесивые арабские шейхи-работодатели не признают их за равных себе людей и всячески подчеркивают свое превосходство. Эти ребята уже поучились в вестернизированной школе, и идея наследственного сословного неравенства стала им чужда. Их очень заинтересовало мое происхождение и они расспрашивали о жизни в России. Один из вопросов меня поразил: "Как Россия устроена? Там - свобода, как у нас, или диктатура, как в Иордании?" Т.е. двадцать лет назад на "оккупированных территориях" жили еще палестинцы, которые воспринимали Израиль, как свой дом.

Конечно, Иордания - абсолютная монархия, в которой парламент предназначен для выслушивания и безоговорочного одобрения воли короля. За 47 лет царствования Хусейна

сменилось полсотни премьер-министров. Воля хашимитских королей все полвека была направлена на вестернизацию и модернизацию их страны. Тот факт, что вестернизация входит в противоречие с отсутствием свободы, должен напомнить российскому читателю пример Петра Великого, который модернизовал Россию вопреки ее воле. Подобно Петру, Хусейн в узком кругу также умел вести себя предельно просто. Бывший премьер-министр Израиля Шимон Перес рассказал, как десять лет назад он тайно встретился с королем в доме мэра Лондона. Чтобы сохранить тайну, мэр отпустил всех слуг, и его жене пришлось самой подавать к столу. После обеда король вызвался помыть посуду...

Заклучив мир в 1994 г. Хусейн лично облетел Израиль на своем самолете и, полюбовавшись им с воздуха, признал, что израильтяне очень украсили свою землю. По-видимому, им владела мысль превратить в сад и свою пустынную страну.

Мирная идиллия прерывалась несколько раз, но королю удавалось побороть сомнения в мирных намерениях Иордании. 13 марта 1997 г. иорданский солдат открыл автоматный огонь по группе девочек-восьмиклассниц, приехавших на экскурсию в Иорданию и убил семерых. Король совершил беспрецедентный шаг, лично посетив семьи убитых и присоединившись к их трауру. Ничто не сможет заменить родителям убитых детей, но израильтяне оценили воистину королевский жест Хусейна, ставшего на колени в доме осиротевшей семьи убитой девочки...

В одном из своих интервью бывший советский диссидент и нынешний израильский министр Натан Щаранский сказал, что мир с арабскими соседями сам собой наступит у нас, когда они, наконец, придут к демократии. Специалисты по международным делам, однако, утверждают, что дело обстоит прямо противоположным образом. Пока окружающие нас народы подчиняются своим вождям, есть еще шанс установить мир, ибо вожди способны вести стратегическую политику, включающую, в частности, и мирные отношения. Если же вместе с демократизацией выплеснутся наружу буйные инстинкты и религиозные страсти, никакого шанса на мир уже не будет десятки лет.

В январе этого года Хусейн внезапно назначил своим наследником сына Абдаллу, родившегося от жены-англичанки. 37-летний Абдалла не готовился унаследовать корону, учился военному делу в Вашингтоне, служил в танковых войсках, а затем в авиации. В последнее время он командовал элитными войсками безопасности и пользовался большой популярностью в армейских частях. Возможно, это и явилось причиной его назначения, так как преданность армии является важнейшим фактором стабильности власти во всех арабских странах.

Король Хусейн знал, какое трудное наследство он оставляет. Международная блокада иракского диктатора Саддама Хусейна подорвала традиционную торговлю Иордании с Ираком. Безработица в стране приближается к 40 процентам. Иракские газеты плачут крокодиловыми слезами о бедном иорданском народе, который живет под страшной опасностью сионистской агрессии. Палестинские организации затихли, но не забыли "черный сентябрь". Вожди бедуинских племен не прочь выставить своих более удобных кандидатов на престол. Сирия в любой момент готова "оказать братскую помощь" и "защитить Иорданию", как она уже "защитила" Ливан. В такой ситуации армейское прошлое принца Абдаллы может очень пригодиться. Как в свое времягодились преданные бедуинские войска самому Хусейну.

На похоронах короля, встретились главы государств и организаций почти из всех стран мира. Чего искали эти циничные, закаленные политикой люди в столице маленького, бедного государства?

Я думаю, прежде всего они искали встречи. Невероятная ситуация, при которой могут встретиться (и даже пожать друг другу руки) президент Израиля, Эзер Вейцман и отпетый глава террористов Наеф Хаватме, президент США Клинтон и диктатор Ливии Кадаффи, таит в себе много возможностей для людей такой профессии. То, что Хусейн сумел при жизни завязать отношения со всеми этими людьми, показывает, что он был безусловно выдающейся личностью, обладающей большим обаянием. Он также сумел при этом остаться независимым, вопреки людоедскому принципу "кто не с нами, тот против нас". Но то, что эти люди бросили

все свои неотложные дела, чтобы слететься в Амман на светские похороны, означает также, что существует реальная опасность нарушения международной системы равновесия сил в мире из-за падения с чашки весов маленькой иорданской гирьки. Одни из них боятся этого нарушения, иные жаждут его, но другого повода взглянуть в глаза друг другу и поразмыслить об увиденном у них не будет.

Зная о своей близкой смерти король напоследок проявил редкое самообладание и уладил дела спокойно, как заканчивает или передает дела добросовестный работник перед уходом в отпуск. С его лица не сходила доброжелательная улыбка, долженствующая ободрить и утешить его подданных. Он несколько раз публично подтвердил свою приверженность делу мира с Израилем, чтобы исключить кривотолки после своей смерти.

Принц Абдалла поклялся, что выполнит волю покойного. Похоже, что ему понадобится для этого не меньше выдержки и мужества, чем понадобилось Хусейну.

Идея, что мир не "раскололся на два лагеря" и необязательно принадлежать к одному из них, чтобы прожить жизнь достойно, все еще нова на Ближнем Востоке. Король Хусейн своей жизнью создал впечатляющий прецедент, который внушает надежду, но мы еще в самом начале пути.

В ПРЕДДВЕРИИ ОЧЕРЕДНОЙ ВОЙНЫ

В грандиозном сценарии, который сто лет назад набросал Владимир Соловьев для XXI века, евреям и Израилю выпало играть пионерскую роль в тотальной войне с мировым Злом (Вл.Соловьев, "Три разговора", 1900г.). Президент Буш (конечно, какой-нибудь из его советников), судя по его риторике, внимательно читал этого русского философа. Мы действительно приближаемся к тотальной войне, и, боюсь, нам не удастся уклониться от своей пионерской роли в этом деле. Но приблизиться - еще не значит неизбежно вступить в войну. Третья мировая война завтра не начнется.

Палестинский террор выступает по классической схеме уличного ограбления. В темном переулке к вам подходит мальчик и издевательски жалобным голосом канючит: "Дядя, мне холодно, отдай пальто." Вы грубо ему отвечаете, и мальчик цепляет вас каким-нибудь проводочным крючком. Вы даете ему по уху, и тут из-за угла выходят трое с ножами и говорят: "Ты зачем обижаешь маленького?! А ну, отдай ему, что он просит!"

Арафат просит, ни много - ни мало, отдать ему пол-Иерусалима вместе со Стеной Плача, право бесконтрольно ввозить оружие и вселить к нам миллионы людей со всего света, которых он назовет беженцами.

В противном случае... Что в противном случае?

Палестинский народ придет в отчаяние и станет мстить еврейским оккупантам, самоубийственно взрываясь то тут, то там. Собственно, его отчаяние даже предшествует этим требованиям, поскольку разница в образе жизни угнетенного палестинского народа и захватчиков-евреев бросается в глаза. Палестинцы как бы дошли до края: "Чем такая жизнь!.." Спросим себя: в чем тут дело?

Неужели благосостояние евреев происходит от захвата Стены Плача и поселений в Иудее и Самарии? А до этого захвата в 1967г. палестинцы были счастливы и мы жили в мире и согласии?

Неужто нищета палестинцев связана с лишением их возможности ввозить оружие? И они приходят в отчаяние от невозможности пригласить на свою нищету родственников из богатых стран? А если они беспрепятственно ввезут оружие и увеличат плотность своего населения, они успокоятся?

Мысль о том, что палестинский народ угнетен именно своим собственным поджигательским руководством, не находит поддержки в широких кругах. Европа и Америка, потеряв счет убитых ими в Афганистане и в Африке, не устают, однако, давать нам уроки гуманизма. Мы, оказываясь, должны повсеместно и неуклонно уважать права человека. И не мешать им улаживать их собственные дела с правами афганского, иракского, сомалийского, югославского и многих иных свободолюбивых народов.

Да и в самом израильском обществе, хотя и шокированном новым размахом арабского террора, дискуссии о возможности компромисса с террористами (и с собственной совестью) не утихают. Может ли полицейский немедленно стрелять, если он видит преступника? Или он должен предупредить его об опасности выстрелом в воздух? Пропускать ли машины с оружием, если на них написано "Скорая помощь"? Морально ли отказываться от резервной службы в армии? Может быть такой отказ означает преданность делу мира? Следует ли позволять антиизраильскую пропаганду арабам-членам Кнессета? Не следует ли различать террористов, которые убивают женщин и детей и тех, кто покушается только на солдат?.. А что, если палестинцы правы? Может, отдать им все, что они хотят? Почему бы, в самом деле, нам не попробовать?

Дискуссиям нет конца. Израиль давно превратился в экспериментальную площадку, на которой практически опробуются все западные социальные идеи.

Арабский мир, наблюдая это противостояние из-за угла, наматывает на ус и решает, работает ли такая стратегия в борьбе с неверными. Для арабского(и, возможно, для всего

мусульманского) мира это вопрос экзистенциальный.

Если можно вырвать у людей Западной цивилизации уступки, подрывающие самую основу их существования, всего лишь ценою жизни нескольких сотен оголтелых недорослей, стоит ли менять свои вековые привычки? То есть, стоит ли производить у себя реформы, угрожающие их авторитарным режимам, вводить европейское образование, плодящее диссидентов, позволять беспрепятственное распространение сведений, ослабляющих веру и подрывающих незыблемый до сих пор авторитет властей?

Здесь не место шуткам. Речь идет об образе жизни сотен миллионов людей, большинство из которых не привыкло к западной идее свободного выбора. Вернее привыкло, что их выбор только между жизнью и смертью.

Свободный выбор в арабских странах, впрочем, есть у их правительств, поскольку они не ограничены своими парламентами. Они свободны вести свои народы по пути медленного и необеспеченного прогресса, и один Бог знает, сколько еще препятствий встретится им на этом пути в будущем. Но они могут также склониться к покровительству (и попустительству) новым движениям, руководимым яркими, одаренными личностями вроде Бин Ладена. Есть сегодня в мусульманском мире эти народные герои, готовые победить или умереть, обещающие скорое торжество веры, новый порядок и всеобщее братство правоверных. Что с того, что во всех европейских странах библиотеки завалены книгами, из которых ясно, что никакой "новый порядок" не принесет счастья, и братству вовеки не бывать - кто там станет эти фолианты перелистывать! Всегда найдутся тьмы молодых сторонников у решительного человека с идеей. Даже и в "Аль Каэде" есть уже какие-то отморозки европейского происхождения.

Между тем, в Израиле каждый день раздается один или два взрыва, то в клубе, то в ресторане, или какой-нибудь очередной герой-мученик кидается с автоматом на толпу. Террористы стали разъезжать по территориям на машинах "Скорой помощи". Министр Рехавам Зеэви ("Ганди"), отказавшийся от охраны из принципа ("У себя в стране мне не нужна защита!") убит на улице. Другому министру (Дани Наве) уже пообещали убить его детей. Пока я это писал, телевизор сообщил, что в Ариеле взорван отель. Ранено 15 христианских паломников, приехавших демонстрировать евреям свою солидарность...

Эта тактика, в общем, себя оправдывает. Люди стали меньше ездить в автобусах, реже ходить в рестораны. Коалиционное правительство ("лебедь, рак и щука") явно топчется в замешательстве. Распределение голосов в Кнессете не соответствует сегодняшнему настроению общества. Стране сейчас не до выборов. Оппозиция для поднятия престижа резко преувеличивает меру своего влияния на избирателей. Появившиеся экономические трудности обостряют трудовые и социальные конфликты.

Одиночные ответные акции Израиля не могут помешать будущим мученикам ислама. Понемногу разрушаются и основы мирной жизни по обе стороны фронта. Люди звереют. Террориста, стрелявшего в праздничную толпу на свадьбе, забили пивными бутылками. После взрыва в тель-авивской молодежной дискотеке уличная толпа бросилась на арабов, собравшихся молиться в мечети поблизости. Я, впрочем, не поручусь, что никто из молящихся там не выразил открыто своей радости по поводу гибели девочек в дискотеке...

Очевидно, что это должно кончиться массированным вторжением израильской армии на территорию "автономии" и сплошной "зачисткой". Кажется, если верить радио, в последние дни она уже началась. При зачистке в "лагере беженцев" Балата (попросту в поселке потомков лиц, перемещенных в ходе войны 1948г.) арестованы десятки людей, замешанных в убийствах, обнаружены склады оружия, ракет, мин и взрывчатых веществ, десятки поясов со взрывчаткой для потенциальных кандидатов в рай. В Туль-Кареме сдались несколько сот вооруженных террористов. Палестинцы, в доме которых они прятались, забыв опасения, взмолились: "Да, убейте вы, наконец, от нас этого Арафата, чтобы мы могли жить спокойно."

Означает ли такое вторжение "большую" войну? Об этом трудно судить категорически, но можно оценить примерно.

Для "войны цивилизаций", предсказанной Хантингтоном, время еще не пришло. Общие культурные симпатии мусульман далеко еще не дошли до уровня общего "национального интереса". Все ближайшие соседи Арафата заинтересованы, пока что, скорее в его поражении, чем в победе (это особенно верно в Иордании!).

Единственное правительство, которое сейчас могло бы найти для себя выгодным вмешаться в пользу Арафата, это режим Саддама Хусейна. Вместо того чтобы маяться самым в ожидании нападения США, Ирак мог бы выступить первым в качестве спасителя, готового защитить "палестинских братьев" от "агрессора" и таким образом несколько по-иному расставить акценты в предстоящем общем конфликте. Мощь арабских стран все еще, в основном, потенциальная, психологическая и финансовая, но не военная. Максимум, на что они могут рассчитывать, это неочевидное поражение. Поэтому такая война, если она начнется, будет для мусульманского мира только пробой сил. Но от исхода этой пробы зависит развитие всего цивилизационного конфликта.

Подобная же проба сил произошла в свое время в Европе в конфликте демократических стран с Германией из-за Чехословакии. Вот, что показал на Нюрнбергском процессе начальник Германского генерального штаба ген. Гальдер:

"В 1938 мы решили избавиться от Гитлера. Душой нашего заговора был генерал Бек... Мы составили прокламацию к германскому народу, в которой провозгласили, что фюрер вовлекает Германию в гибельную войну и долг генералов предотвратить это развитие событий. Наше тайное совещание еще продолжалось, когда радио сообщило о приезде Чемберлена к Гитлеру в Мюнхен... Престиж Гитлера после Мюнхенского соглашения настолько вырос, что подходящий случай больше уже не представился..."

Чемберлен, таким образом, думая спасти мир, спас Гитлера... Показания ген. Гальдера дополнил ген. Йодль: "Если бы Даладье и Чемберлен не пошли на компромисс в Мюнхене, мы ни в коем случае не выступили бы с военной силой. Мы просто не смогли бы этого сделать. У нас не было средств прорвать чешскую линию обороны и не было достаточного количества войск на Западе..."

Их обоих удачно дополняет высказывание самого Гитлера: "Наши враги - мелкая сошка. Я понял это в Мюнхене."

Будущее развитие событий - быть Третьей мировой войне или не быть - зависит от энергии отпора, которую ощутит будущий потенциальный противник. Война в Афганистане условно отрезвила многие горячие головы.

Но у нас в Израиле ситуация пока не прояснилась. Поддержка Арафата из Европы и осторожные, уклончивые заявления правительства США все еще оставляют ему надежду на признание его террора законным средством политической борьбы. Половинчатые антитеррористические меры израильского правительства до сих пор только вдохновляли его на продолжение этой войны на истощение. Израильское общество никак не привыкнет к мысли, что противник не собирается считаться с потерями и совершенно равнодушен к жертвам, которые несет его собственный народ. Еще меньше оно готово к пересмотру своих гуманных принципов. Это проблема гуманизма как целого. Он судит о противнике по себе.

Столкновение с негуманистической цивилизацией ставит либерального человека перед неразрешимой проблемой. Соблюдая свои принципы, он находит себя (а, главное, своих близких) на краю гибели. Нарушая свои принципы, он не может отделаться от чувства вины.

Принципы гуманизма недоказуемы, потому что они скроены по мерке человека. Но оказалось, что люди разных цивилизаций имеют об этой мерке разное представление. И наша мерка не универсальная, а европейская. Навязать свои принципы противнику, который не принимает наших (а, может быть, и никаких?) правил игры, мы можем только силой. Об этом, как раз, и напоминает нам Нюрнбергский Процесс над нацистскими преступниками. Не надо льстить себе, называя решения этого Суда справедливыми. Военные преступники на этом

Процессе сидели не только на скамье подсудимых, но и среди судей. Это была справедливость одной (победившей) стороны.

Однако, после-гитлеровская Германия обязана своим сегодняшним демократизмом именно такому нарушению юридической правомочности. Также и расцвет Японии произошел благодаря страшному военному разгрому и последующей многолетней оккупации. В общем, и немецкий,

и японский народ, как бы их отдельные представители ни расценивали события прошлого, неизмеримо выиграли от того, что подверглись в свое время жестокому насилию.

Не будем себя обманывать - никакого другого пути к демократии у них не было.

Наша конфронтация с Палестинским руководством поставила нас вплотную к краю пропасти не потому что мы слабее их. Не при чем тут и либеральная болтовня, что "партизанскую войну нельзя выиграть военными средствами". Все войны в мире выиграны именно военными средствами.

Но речь идет о нас самих: партизанскую войну нельзя выиграть, оставшись в прежних пределах либеральных принципов. Эту войну нам не удастся выиграть, оставшись в той же очаровательной атмосфере богемной анархии, постоянной грызни "за справедливость", непрекращающейся "борьбы за права", которая когда-то делала израильскую интеллигенцию столь обаятельно беспечной, в сущности фанатически демократичной, нон-конформистской. Живя до сих пор в пределах своих "западных" представлений, мы в Израиле приучили себя к мысли о "войне без ненависти" и "судебной процедуре без ожесточения". И упоенно разоблачали свои прошлые войны, своих генералов и политиков, свою разведку и юриспруденцию в грязных трюках и подменах. Но не бывает "чистой" войны. Как нет и не будет жизни без греха.

Мы тешили себя мыслью, что и посреди войны нам удастся сохранить "человеческое лицо". Однако, это, как раз, и есть бесчеловечность, ибо война и убийство - человеческое дело, которое диктуется страстью, и потому маска ненависти более приличествует им, чем лицемерное бесстрашие. Много прав есть у человека, если верить идеалистам. Но его главное право - право на жизнь - вне прочной государственной структуры не обеспечено.

В Израиле жил писатель Юлий Марголин. Как израильский (палестинский в ту пору) гражданин он 11 лет просидел в Гулаге и был освобожден только в начале 50-х годов. В своей замечательной книжке "В стране З/К" он описал одно свое столкновение с обитателем этой "страны". Этот человек попытался вырвать у него хлебную пайку. Марголин ударил его кулаком в лицо и свалил под нары. Дальше писатель пишет: "Я понял, что ненавижу этого человека. Я ненавижу его не за то, что он хотел отобрать у меня пайку, а за то, что он вынудил меня, интеллигента с тонким вкусом, читавшего Вольтера и Канта, своим кулаком расквасить человеческое лицо."

Вот, это приблизительно то, к чему подвела нас конфронтация с арабским миром и о чем нам ежедневно напоминает лицо Ясира Арафата.

Третьей мировой войны пока не будет, но наш мир станет хуже, жестче. И мы станем черствее.

ЛЮДИ НА ВОЙНЕ

В обыденной жизни от множества мелких забот и незначительных разговоров мы обалдеваем и теряем ощущение смысла и цели, перестаем различать высокое и низкое, важное и пренебрежимое. Хорошая книжка может встряхнуть и напомнить... Прошло уже много лет с тех пор, как множество людей покинуло СССР. Некоторые из них прижились в Израиле настолько, что способны писать о жизни здесь, о нашей жизни, не о невозвратном прошлом. Такой человек пишет о жизни, которая нас окружает, но в его тексте невольно присутствует сравнение: он знал и другую жизнь, он не может забыть, даже если хочет. Это неявное сравнение наполняет его наблюдения особым смыслом, придает его описаниям оттенок тайного знания. Его внимание невольно выхватывает из беспорядочной картины реальности то, что он менее всего ожидает увидеть. Это хорошая позиция, обостряющая взгляд писателя, дающая творческому слову новые смысловые оттенки. Зря эмигранты жалуются. Впро-чем, они жалуются не зря. Они жалуются на то, что вместо чисто словесной работы, к которой они привыкли с детства, им приходится проделывать новую работу по осмыслению незнакомой действительности, труд, от которого они с детства отвыкли.

Удачи на этом пути редки. Они приходят к тем, кто погружается в эту действительность целиком (или не погружается в нее совсем). Об одной из таких удач я хочу рассказать на последующих страницах, но, хотя это желание возникло у меня в связи с книгой, речь пойдет, скорее, о жизни, которая за этой книгой стоит. О драматическом эпизоде этой жизни. О войне в Ливане ...

Командир инструктирует солдат перед боем: "Одна из наших главных задач - вернуться домой целыми!" Такое замечание, может быть, не остановило бы внимания писателя-американца. Поэтому сделайте то, что вам говорят, и никуда не лезьте без команды!" - здесь содер-жится новое для русского выходца обоснование воинской дисциплины.

С этого, в сущности, начинается книга Владимира Лазариса "Моя первая война". Этим, в сущности, она и кончается: "Побеждает тот, кто остается в живых. А каждый знает, что в живых остаться можно только, если воевать, а не бежать". Это слова из интервью, которые В. Лазарис взял у молодого десантника, родом из Вильнюса, историка по специальности. Действительно ли каждый знает, что бегство не спасает? Или, может быть, только историки по специальности?

Книга Лазариса представляет собой короткий военный дневник и 22 интервью, взятых на поле боя у солдат - выходцев из СССР. Автор проявил чуткость к своему материалу: дневник его, не заслоняя картину, вводит читателя в обстановку ливанской войны. Тон дневника подготавливает читателя к шуму разных голосов в интервью и потому намеренно негромкий.

Прочтение книги провоцирует мысль, что, быть может, война, или еще конкретнее, армия сплачивает нас вернее, чем про-житые в стране годы, успехи по службе и знание языка. Мы вместе живем и вместе воюем, значит, мы - один народ. Это не столько силлогизм, сколько чувство. Как всякое чувство, оно сильнее разума. Это чувство господствует во всей книге. Разум же подсказывает каждому интервьюируемому свои собственные пируэты вокруг этого стержня. Большинство из них - молодые ребята, так что они, в сущности, уже не "русские", а израильтяне. Это очень заметно по свободе, с которой они признаются в своих страхах, а также по свободе, с которой они рассуждают о войне и политике. Но сказанное выше об особой двойственности оценок бывшего выходца из СССР остается верным и для них. Во-первых, потому, что кое-что они все же помнят, а во-вторых, потому, что направляет разговор воля автора, и характер его вопросов определяет, конечно, круг их внимания.

"Меня поставили за дерево, прикрывать ребят... Первый пробежал благополучно. Прямо за ним, фонтанчиками по земле, шла очередь... И рядом со мной пули из "Калашникова" шлепались" панг, панг". Я только думал: ради мамы пусть со мной ничего не случится".

Это интервью разведчика. А вот голос шофера:

"Мне до Ливана дела нет, я туда пришел, потому что там кто-то был, кто мне мешал... Я себя чувствую, как маляр, которого попросили покрасить дом. Прийти, покрасить и уйти. Как в России говорили: "Надо, Федя!"... С правой стороны виднеется Бейрут, а слева - наша артиллерия. Вот она и начала долбить. А мы - на дороге. Снаряды летят над головой. Едешь и сам себя уговариваешь: "Не в тебя, не в тебя! Это - наши!" Но снаряды-то летят. И террористы отвечать начали. Мы оказались посередине. Говорят, если слышишь снаряд, он уже не опасен. Не знаю. Чувствую, в кабине сильно воняет. Оказывается, напарник, когда "катюши" стреляли, в штаны наложил. Мы остановились, но я как-то ничего не чувствовал. Дело еще в том было, что, когда мы перед въездом в Бейрут ждали пропуска, я с ребятами бутылку водки распил. В общем, когда этот парень меня за руку схватил, я затормозил. Вылезает он, значит, из машины и говорит: "Вы меня, ребята, извините. Желудок не выдержал". С каждым может случиться. Вообще лучше не думать, что ты можешь вот так запросто помереть, потому что, чем больше думаешь, тем больше вероятность, что так оно и будет".

Ну, кто способен не думать, тот не думает. Но вот танкист думает все время:

"Если на узкой горной дороге стоит автомашина, ты же не станешь останавливать колонну в сотню танков, чтобы эту машину оттащить. Представьте: на легковушку напозаает полсотни тонн железа... Никто, конечно, не хотел специально вредить и портить, но, если честно сказать, мне было даже забавно. Потому что в такую минуту особенно ощущаешь, какой махиной ты правишь... У командира голос стал немного истерическим. Когда сильное напряжение - всегда крики. Потом параллельный пулемет вышел из строя, и я должен был вылезть наружу, чтобы заменить его другим. Тогда я почувствовал беспредельный страх..."

Хотя жанр этот довольно обычен для англоязычной или ивритской литературы, такие книги никогда еще не появлялись на русском языке. Русскоязычный читатель может найти здесь впервые не только некую правду об Израиле, но и некую новую для себя правду о жизни вообще. Так как это непохоже на обычную для него сионистскую пропаганду, недавний советский гражданин может задать законный вопрос: "На чью мельницу льет воду господин Лазарис?" Здесь обнаруживается привычная нам по прошлому опыту аналогия между правдой и водой.

Что такое правда? Прежде всего, забудем, что в СССР нас учили, будто бывает правда "наша" и "не наша". Правда - одна. Иногда - неприятная. Затем придется также отказаться и от внушенной всей русской литературой, от Толстого до Солженицына, мысли, что главная правда проста. Как ни смотри, всегда оказывается - с одной стороны... с другой стороны. Простоты никак не получится, если мы не готовы для этого сжить со света половину человечества. Как и вода, правда протекает сквозь пальцы, если надеешься ее зачерпнуть голой рукой. Но может утолять жажду...

Правда жизни состоит в том, что люди ее не знают. И те, которые ищут ее, оказываются значительнее и правее, чем те, которым она безразлична. И книга Лазариса поражает, прежде всего, ощущением значительности жизни, которую она описывает.

Многие талантливые писатели замечали, что жизнь человека на земле - это трагедия. Но современный писатель, будучи верен правде, которую он видит, описывает все, как есть, и получается фарс, суeta вокруг мелочей, водевиль с убийством... Потому что человек ведет себя в этой трагедии, как комедиант. Это только у Шекспира он предлагает за коня полцарства, и понимаешь, что жизнь его стоит царства. В литературе, верной реальной жизни, человек ищет коня подешевле. Эта скидка сразу снижает и цену его собственной жизни. Какая уж тут трагедия - просто бизнес: кому повезет, а кому и нет. Биржа. Поэтому современная литература ищет пограничных сюжетов из жизни гангстеров и сутенеров, в надежде, что их опасное существование и привычка расплачиваться крупными купюрами сами по себе сообщат эту крупность и повествованию. Однако незначительность мотивов снижает также и литературную

значительность преступлений, а чем больше мы узнаем о преступном мире, тем менее серьезным в смысле крупных чувств он выглядит.

Война - это не только смерть и разрушение. Это еще и опыт. Это жизнь. Даже если это и "преступление", за этим преступлением стоят значительные мотивы. Книга о войне всегда имеет шанс на значительность. Реализация этого шанса зависит от тех, кто в войне участвует, какой правдой они руководствуются, к каким купюрам привыкли...

Из двадцати двух израильских солдат, бывших выходцев из СССР, все двадцать два вынуждены были проверить свое представление о правде в той пограничной ситуации между жизнью и смертью, когда вторичные мотивы отступают. Конечно, когда в родительском доме разливают чай, каждый признает, что доброта лучше ненависти. Но когда нас, пятнадцатилетних мальчишек, гнали этапом из пересылки в лагерь и я протянул руку за какой-то съедобной ягодой, а мой сверстник выхватил ее у меня, он не постеснялся сослаться на школьный учебник, проповедовавший выживание сильнейших в жизненной борьбе. С тех пор я столько раз наблюдал практическое применение этого социального дарвинизма, что начал сомневаться в универсальной применимости принципа преимущества добра над злом. Никакие книги, сеющие разумное, доброе, вечное, не могут научить молодого человека быть человеком, пока он сам не побывает между молотом и наковальней, пока он не узнает настоящего страха и не определит для себя собственную меру доброты, доверчивости и способности к риску.

В Израиле нет романтизации войны и военных подвигов. Но я знаю, что пацифисты у нас в Израиле совершенно другие, чем в иных странах. Как правило, это люди повышенной храбрости. Может быть, от легкомыслия, но они явно не опасаются за свою жизнь. Многие из них служат в самых отчаянных боевых частях. Когда одни требуют немедленного мира, они имеют в виду свою готовность рискнуть жизнью, проявив максимум доверия к арабским противникам, а не свою готовность бежать с поля боя. Вот голос десантника:

"Я не крайний левый, хотя с самого начала был против этой войны. Раньше всегда чувствовалось единство, мы всегда знали, ради чего воюем. В первый раз в нашей части произошел такой глубокий раскол. Когда пошли слухи что нас пошлют к Бейруту, некоторые ребята, включая наших офицеров, заявили, что они готовы сесть в тюрьму, но на Бейрут не пойдут. В другой ситуации они никогда бы себя так не вели. Я того мнения, что приказ нужно выполнять, если только он не заставляет меня совершать что-то бесчеловечное. Конечно, когда предстоит боевая операция, у наших людей есть готовность идти на самый страшный риск..."

Это прямо противоположно тому, что характеризует пацифистов в Европе: "Лучше быть красным, чем мертвым! Лучше заниматься любовью, чем войной!" Эти готовы бежать и бегут...

Десантнику, готовому на самый крайний риск, отвечает десантник осторожный:

"Был приказ стрелять только по тем, кто стреляет в нас. Но мы стреляли и тогда, когда замечали что-нибудь подозрительное. Я хотел, чтобы там было как можно меньше людей - неважно, террористов или нет, потому что я вообще не хочу ни стрелять, ни убивать. Конечно, если уж приходится... С кем мы сражались? С арабами. Я их никак не разделяю. Любой араб - это враг..."

Таким образом, различие между правым и левым, между голубями и ястребами определяется мерой доверия, мерой риска, который ты готов на себя взять. У каждого эта мера - своя, и определить ее теоретически невозможно:

"Вбегаю в дом - на полу сидит парнишка, рядом оружие лежит. Он руки поднял. Ну, раз так, думаю, сдается парень. Наклонился оружие поднять. Даже не подумал, что парень может мне что-то сделать, никак еще не вбил в голову, что это - война, что один другого должен убить. Спокойно так нагибаюсь. А он, видно, понял, что я один, и как прыгнет мне на

спину! Ухватил за цепочку с жетоном и давай душить. Парень молодой, но я - тоже не инвалид. Напрягся, порвал цепочку... автомат уже не стал поднимать... Когда он упал, я ему еще ботинком поддал. Разозлился я на него сильно. Скажу вам прямо: первый раз убить человека тяжело".

И второй раз тоже:

"Что я чувствовал? Что мне приходится стрелять в ребенка. Я был готов убивать, но я не знал, что придется иметь дело и с детьми... Нам дали приказ - ни женщин, ни детей, ни стариков не трогать. Не сказали только, что эти самые дети будут стрелять в нас... Настоящие убийцы! Ребенок, как овца. Куда пастух, туда и он. Перевоспитывать их надо..."

Не все относится к этому так спокойно. Во всяком случае во время боя:

"В ту минуту, хоть и страшно, но в тебе поднимается злоба против тех, кто в тебя стреляет, и хочется их убить. Я стрелял по живым людям, но для меня они были только мишенями... И было только одно желание: заставить их замолчать. Навсегда... Некоторые сдавались. Нам было приказано не стрелять, если человек бросает оружие. Я совру, если скажу, что у меня не было желания этот приказ нарушить... Жена и дети очень обрадовались, когда я вернулся. Я им ничего не рассказывал. Я не хочу, чтобы мои дети ненавидели арабов только потому, что они арабы".

Какой вывод из всего этого? Ведь эти свидетельства не только противоречат друг другу, но и каждое в себе заключает противоречия. И каждое имеет право на существование, потому что за каждым стоит человек, который живет и рискует своей жизнью с этим багажом. И израильский читатель знает, что это не воспоминания после войны, которые уже ни к чему не обязывают, для внуков, так сказать. Нет, через несколько лет или месяцев придется опять идти на войну и опять решать, как поступить с собой и другими. Как замечательно заметил 20-летний танкист: "Чувствуешь, какой машиной ты правишь..." Все ли люди на земле чувствуют, какая машина ответственности катится вместе с ними по земле, и как значительны, на самом деле, их поступки? Вернее, как они незначительны в подавляющем большинстве случаев. Как мало продуманы их мотивации, как мелки принимаемые во внимание обстоятельства. Какое вопиющее несоответствие между причинами и следствиями. Мы живем в таком месте и в такое время, что всякий невольно задумается. Может быть, в этом и состоит наша правда. Задуматься.

В конце концов, многие ли из нас стали бы думать о жизни и смерти, если бы этот вопрос не висел над нами, как налоговое бремя? Дает ли этот опыт молодому человеку что-нибудь такое, ради чего стоит рискнуть жизнью?

"Когда сидишь в танке, не так страшно... потом уже я понял, что каждый должен преодолеть какой-то барьер страха. Я преодолел в тот момент, когда мы покинули подбитый танк... Представляете, какая в горящем танке температура! Я удивляюсь, как те парни, которые вытащили командира, вообще смогли приблизиться. В днище танка есть несколько дырок, через которые спускают масло, так через эти дырки вытекли все алюминиевые части из мотора. На земле лужа застывшего алюминия".

Ради этого мы привезли сюда своих детей? Ответа, я думаю, следует искать у самих детей. Тех, кто еще не ищет тихой пристани. Кого жизнь еще не придавила или контузила. Тот же 20-летний танкист говорит:

"Мы выскочили (из подбитого танка) через верхний люк и очутились на совершенно открытом месте... Подъехал бронетранспортер, чтобы нас забрать. Там была дикая теснота... Вначале я был немного в шоке, хотелось забиться в какой-нибудь угол. Наверху двое парней

стреляли из пулеметов, там было еще свободное место. У бронетранспортера стены, как бумага, - уж лучше стоять наверху. Я взял автомат и поднялся..."

Он, как и наш историк-десантник, откуда-то знает, что спрятаться - не поможет. Жизнь и смерть достанут и тех, кто забьется в самый тихий угол: "у бронетранспортера стены, как бумага..." К тому же в тихих углах - "дикая теснота". Это такое знание, которое 20-летний парень не вычитал бы в книгах.

Ведь стены, как бумага, и у наших домов. И цивилизация наша, нормы жизни, к которым мы привыкли, отделены от варварства не более, чем бумажными стенами. Как ни странно, наибольшее чувство безопасности испытывают жители Советского Союза. Если они не диссиденты, конечно. Это тем более странно для евреев. Во время мировой войны в Советской армии служило 550 тысяч евреев (вдвое больше, чем в израильской армии при полной мобилизации), и более 200 тысяч из них сложили головы в боях. Чтобы достичь такой цифры потерь, нам пришлось бы здесь воевать еще триста пятьдесят лет или провести 60 войн подряд. Ну, скажут мне, это было так давно... И, наверно, не повторится... Такое утверждение прозвучит так же смешно, как надежда, что у нас в Израиле больше не будет войны. Мы привыкли, что живем в очень опасном месте. Возможно, это наше преимущество. Мы окружены всего лишь врагами. Нас отделяют от них государственные границы. Множество талантливых генералов заботится о нашей безопасности. А кто заботится о безопасности, допустим, Берлина? В Европе нет войны уже сорок лет, но сорок лет назад Европа была самым опасным местом на земле. Что же, это навсегда кончилось? Трудно поверить.

Ощущение безопасности в СССР рождалось из представления о чудовищной мощи советских военных и карательных органов. Ничего подобного нет в демократических обществах. Все они находятся в состоянии необъявленной войны с асоциальными элементами у себя дома и за границей и ведут эту войну с переменным успехом. То, что эта война не объявлена, только осложняет ситуацию.

Профессор Дельбрюк, автор классического труда "История войн и военного искусства", замечает, что при обсуждении причин падения Римской империи (а это означало, и Римской цивилизации) упускают обычно ту единственную причину, которая ему, как специалисту, кажется по-настоящему важной. В Римской империи военная профессия потеряла свой престиж, и римляне разучились воевать. Просто мирная жизнь стала для них так привлекательна, что только варвары и асоциальные элементы соглашались служить в армии. И варварские орды, разрушившие Империю, встречали на поле боя "римлян", которые отличались от них самих только тем, что воевали неохотно. Кстати, он также подчеркивает, что представление о том, будто на Рим нападали несметные полчища, возникло только как оправдание честолюбия римских полководцев. Варварские орды никогда не превышали римские войска численно, они просто состояли из храбрых людей, подогреваемых неутоленной жадой наживы.

Армии и полиции западных стран состоят, в основном, из слабых людей, не выдержавших конкуренции в свободном обществе и выбравших легкий путь. Не удивительно, что им так трудно бороться с противником, одушевляемым мечтой "кто был ничем, тот станет всем". Они, может, и сами бы не прочь...

Необъявленная война идет не только между правительствами и террористами, добивающимися неведь чего. Она идет и на каждой улице между цивилизованными людьми и варварами, которые хотят взять "своею собственной рукой" то, что они не заработали. В общем, они добиваются своего.

К известному русскому поэту Н. Коржавину, живущему в Бостоне, заходит по субботам сосед-негр и требует три доллара на выпивку. (Мои сведения многолетней давности, в прошлом году в Нью-Йорке мне сказали, что с собой теперь надо носить двадцать долларов, а то грабитель может рассердиться и выстрелить. Но он может рассердиться и по другой причине.) Коржавин не знает, как отразился бы на его здоровье отказ выполнить просьбу соседа. Однажды соседу понадобилось взломать дверь и унести телевизор... В общем, Коржавин бы не возражал, чтобы его от соседа отделяла государственная граница. Но в полицию он обращаться

не пробовал. Журналист Г. Рыскин очнулся от забытья у самых рельс нью-йоркского метро. Ему удалось припомнить, что кто-то ударил его по голове незадолго до этого. Журналист Рыскин больше в метро не ездит. Он купил автомобиль. Писатель М. Гиршин в Нью-Йорке просто никуда не ходит после пяти вечера. Математик В. Рабинов получил несколько пуль в живот в Сан-Хозе, Калифорния, в ресторане, где он ежедневно обедал, потому что не разобрал по-английски команду: `Руки вверх! Лицом к стене!` Не лучше ли было бы ему слушать раз в году команды израильского командира? Каждый защищает свою жизнь и свободу, как может. Как он хочет. Способ, которым это делают израильтяне, - не худший на свете. И приводит не к большим жертвам.

Мы живем, возможно, в самом опасном месте на земле, но мы чувствуем себя в абсолютной безопасности у себя дома и на улицах. К тому же мы знаем, как защититься. Половина израильтян владеет оружием.

Если верно, что всякий мужчина рано или поздно в жизни встретит смертельную опасность, то не лучше ли к такому случаю подготовиться? И не лучше ли встретить опасность в кругу товарищей, чувствуя за собой всю мощь государственной поддержки, чем одному, в темном переулке?

Каково содержание той жизни, которую израильтяне защищают? Каково их отношение к своим целям и задачам в Ливане? Как они себя чувствуют после этой войны? Танкист:

"Когда смотришь на разрушенный дом - душа болит. А тут еще дети вокруг, которые в этом доме жили... Но если спрашиваешь себя, почему разрушен, ответ ясен. У всего есть своя цена. Те, кто нападает, платят свою цену, и те, кто защищается, свою... Ливанцы заплатили за свою глупость, что дали террористам хозяйничать... когда ты стреляешь, в тебя стреляют - все поровну. Начинаешь относиться к этому, как к работе. Работу надо сделать, вот и все".

Артиллерист:

"Враг врагом, но разрушать страну из-за того, что он там обосновался, тоже не дело. У каждого есть мать с отцом, жена, дети. Конечно, если поставить его детей против наших, я буду думать не о его детях, а о наших. Я о них там все время и думал. Для того и воевал. Вначале мне даже хотелось воевать. Но потом я стал думать: цели мы своей добились, сорок, или сколько там, километров очистили, чего нам еще? Хотя мы знаем, что защищаем наших, многим людям в Ливане мы мешаем... Мы много спорили. Нельзя нам больше тут оставаться".

Пехотинец:

"Я человек верующий, а на войне это имеет большое значение... Я сразу заметил, что террористы стреляют в воздух, и прекратил огонь. Зачем зря человека убивать?.. Вся эта война была справедливая".

Связист:

"Приказы в армии не обсуждаются... Хотя в моем бронетранспортере был командир дивизионной разведки, и я с ним горячо поспорил о приказе. В конце концов, я ему сказал: "Йоси, я знаю, что мне его придется выполнить, но этот приказ дубовый!" А он: "Ну, может быть. Но армия есть армия!" Вряд ли в какой другой армии можно было бы так спорить, тем более рядовому с майором... Когда видишь невероятное количество оружия, которое они запасли в Ливане, и знаешь, что оно было приго-товлено, чтобы убивать израильтян, начинаешь понимать, что жертвы, которые были и еще будут, не напрасны. Наверно, в каждом из нас есть вера. В гражданской жизни этого не замечаешь. Там ты полагаешься, в основном, на себя, и нет необходимости обращаться... я даже не знаю, как это сказать... к помощи извне, свыше... пока нет необходимости, я думаю, но вот, война напомнила: наверно, в каждом из нас есть вера".

Есть ли какой-нибудь общий знаменатель, который объединил бы все эти противоположно направленные убеждения, ощущения, веры? Или в сумме все эти силы дают полный и окончательный ноль, погашая друг друга?

Я уверен, что сумма не равна нулю. Мы не случайно самое сильное государство в нашем районе, несмотря на нашу немногочисленность. Отсутствие навязанного единства взглядов только подчеркивает готовность к реальному единству действий. Еще точнее - к единству образа действий, который коренным образом отличается от образа действий несвободных людей. "Я того мнения, что приказ надо выполнять", - говорит десантник, наиболее радикальный противник войны в Ливане. Это единство впервые пошатнулось именно в результате односторонней попытки манипулирования, предпринятой Шароном.

Ливанская война постепенно превращается у нас в наш Вьетнам. Как и тогда, в США, все большее число людей склоняется к желанию поскорее этот Ливан покинуть. Как и тогда, в США, за своими внутривосточными проблемами мы все позабыли, собственно, о Ливане. И как тогда, не о чем, в сущности, и помнить, потому что наибольшую безответственность проявляют сами ливанцы, что народ, что правительство. Так было и с Вьетнамом. И уже наперед ясно, что, как и во Вьетнаме, это кончится грандиозной резней. Чувство вины за события во Вьетнаме, случившиеся после их ухода, настигло американцев только много лет спустя. У нас это чувство охватывает многих противников войны уже сейчас, и, быть может, это будет единственной причиной, которая удержит нас от американского пути. И от ливанских беженцев.

Все интервью объединяет то чувство свободы как ответственности, которое так редко ощущалось нами в СССР и отсутствует, в большинстве, и у советских эмигрантов в других странах. Все интервьюируемые, высказывая свое мнение, понимают, что их мнения не безразличны к политической ситуации и могут изменить счет. Все они думают не о пустяках. Так или иначе, они понимают, что участвуют в Истории. Техник-связист:

"Вообще я доволен. Даже чувствую гордость, что на этот раз сам участвовал в войне. Мне всегда казалось, что все важные события проходят мимо меня. А теперь, вот, довелось самому делать историю".

И бывалый шофер говорит, что рад, что был на этой войне:

"Получается, что и я как бы немного своей крови отдал. А то ведь приехал в Израиль на все готовое. Вот и представился мне случай себя показать. Живу, мол, не зря, даром свой хлеб не ем!"

Зачем это им нужно, - возможно, спросит кто-нибудь. Я не уверен, что это нужно всем. Но я уверен, что это нужно очень многим людям, в том числе и таким, которых в этом не заподозришь. Человек вообще не может жить только мыслями о материальном, даже если он и ведет себя соответствующим образом. Человек - существо историческое и продолжает оставаться таким даже в XX веке.

Вот что говорит сапер:

"Нам, израильтянам, эта война ничего не дала. Слишком много погибших... Ну, навяжем мы мир этим ливанцам... Надо их видеть, этих ливанцев. Отглаженные, одетые... каждый, наверно, литр одеколона на себя вылил. Грязную работу делать не будет. Все может продать и купить. За бронежилет готов отдать свой "Калашников". А за меховой комбинезон ему и родной сестры не жалко... Уверен, что они и мир этот продадут при первом случае... Работа у меня тяжелая. Минировать поля. Когда прорываешь землю... если в Синае, то не так страшно, потому что - песок, а на Голанах земля комковатая. Бросаешь комок и думаешь: моя или не моя? Каждый шаг - как будто приближаешься к вечности, потому что никогда не знаешь, где и когда взорвется. Начинаешь верить в Бога. Вера очень помогает... Всегда есть молитва к Нему. Даже не молитва, одно-единственное слово: "Боже!"... Мы не намного лучше их. Иногда мы даже хуже... Раз я нас считаю людьми, значит и они - люди... Дикое чувство от безысходности. Ведь после войны Судного дня думали, что это была последняя война. А сейчас видно, что и эта тоже не последняя... Израиль очень напоминает мне огромный военный лагерь. В средние века были такие государства, которые все время вели войны и этим жили. Вот и я живу в такой стране. А остаюсь здесь потому, что очень ленив и никуда отсюда не

поеду...

Все же мне кажется, что сапер-философ немного слукавил, говоря, будто не бросает наш военный лагерь только потому, что ленив. Слишком тонкое историческое чувство он обнаруживает в своем интервью, чтобы поменять его на какой-нибудь "джоб".

Заметив, что Израиль напоминает одно из средневековых государств, живших войной, сапер не упомянул, что в те времена это были единственные государства свободных людей. Все остальные были населены рабами. И хотя эти воинственные государства были несправедливы к побежденным, внутри себя именно они создавали представления о чести и справедливости, которые унаследовала от них Европа. От разбойничьих норманнских королевств, от поставлявших всему миру наемных солдат швейцарских кантонов, от пиратских итальянских республик, а не от мирных деспотий получила Европа зачатки демократии. От викингов и бондов, от рыцарей и йоменов, ландскнехтов и кондотьеров, а не от смердов и крепостных, составлявших подавляющее большинство остальных богоспасаемых королевств, свободных от военной службы, как и от всех остальных гражданских прав. Собственно, главным признаком, отличавшим свободного от раба в средние века, было ношение оружия и владение им.

На много веков раньше евреи унаследовали свои библейские заветы от толпы испуганных рабов, за сорок лет в пустыне превратившейся в военную орду. И у нас, так же, как у этих скитальцев, то, что тяжелым выбором было для отцов - горшки с мясом в Египте или вечные войны в Пустыне, - превратилось в однозначное и естественное для сыновей. Они стали свободными членами опасного, воинственного племени и, как всякие свободные люди, немного обленились, чтобы вернуться на службу к фараону или кому-нибудь еще. Они привыкли служить только себе самим и, как бы жестоки они ни были с врагами, они установили такие нормы взаимоотношений друг с другом, что их идеалы и сейчас остаются недостижимым образцом для половины человечества.

Гораздо поразительнее, однако, чем внешнее сходство Израиля с военной ордой, оказывается то фундаментальное отличие, которое бросается в глаза во всех высказываниях участников войны. Они не похожи на варваров. Несмотря на то, что Израиль уже пережил пять войн и каждый израильтянин, в среднем, участвовал в двух-трех войнах, несмотря на то, что каждый израильтянин 30-60 дней в году проводит в армии, мы не видим никаких признаков огрубления души у наших ландскнехтов. Я специально употребляю этот средневековый термин, чтобы показать, насколько он не подходит для характеристики наших солдат с человеческой стороны. Все интервью сходятся в своем человеческом отношении к мирному населению и даже к побежденному врагу. Пожалуй, это единственный пункт, где достигается всеобщее согласие. "Сначала он человек, а уже потом террорист". "Зачем зря человека убивать?" Что бы ни выдумывали западные журналисты о "бесчинствах израильской военщины" в Ливане, отчего же не пришло им в голову сообщить хотя бы о нескольких случаях грабежа или насилия? Было бы больше похоже на международный опыт и существующую практику всех остальных армий.

Все интервью сходятся в отвержении войны, в презрении к жестокости и жажде мести, которые мы встречаем в окружающем мире: "Фалангисты так говорят: отомстил через 80 лет - рано отомстил. Такая у них культура, такое воспитание..." И это после 35 лет непрерывного напряжения, заполненного угрозами (и попытками, время от времени) вырезать все население Израиля или "сбросить его в море..."

Кое-что, как видно, прибавилось к Ветхому завету за эти тысячелетия...

ОРУЖИЕ АСАССИНОВ

Тот, кто утверждал, что в споре рождается истина, явно преувеличивал. В лучшем случае в споре рождается понимание несовместимости позиций сторон, исходящих из разных посылок.

В своей полемике с сегодняшней экуменической позицией либерального российского культуролога Григория Померанца еврейский ортодокс Эдуард Бормашенко сформулировал ("22", N 103) фундаментальное (не путать с фундаменталистским!) требование к любому содержательному диалогу, которое выглядит особенно очевидным для математиков: "Когда два математика произносят два одинаковых утверждения, они имеют в виду одно и то же". Это следовало бы назвать **нулевой аксиомой математики**, ибо только после принятия такого предположения (а это именно предположение!) приобретают смысл все остальные определения и аксиомы (вроде того, что "прямая линия - кратчайшее расстояние между точками" и т.п.).

Если уж проблема неадекватного понимания дает о себе знать в математике, она тем более присутствует во всех остальных человеческих коммуникациях. Особенно, если иметь в виду коммуникации между представителями разных цивилизаций.

Языки цивилизаций могут вести людей к согласию, только если обеспечено предварительное согласие в нулевой аксиоме. Даже два человека, говорящие одно и то же на одном (общем) языке, должны быть предварительно уверены, что они в самом деле стремятся к согласию. Ибо, если цель одного из них - уничтожить другого, этому другому лучше прекратить разговор и подумать о спасении.

Для разных народов, тем более для разных культур, стратегическая оценка возможных намерений оппонента просто входит в обязанность правительств. Никакого общего языка, тем более общего принципа, между Западом с его либеральными ценностями и его радикальными противниками в сегодняшнем мире никогда не было. На какой же основе вести переговоры? Что выбрать за нулевую аксиому?

Западная политическая мысль сегодня бессильно цепляется за "права человека" в надежде обрести в них такую общечеловеческую идею, на которой можно было бы построить основу международной солидарности. Я думаю, эта попытка бесперспективна.

"Права человека" - идея модернистская, секулярная, чисто западная, и уже потому совершенно не подходит для большинства человечества. Она, вдобавок, несет в себе внутренние противоречия, которые проясняются по мере того, как ее перенимают неопиты, принадлежащие к иному культурному кругу.

Одно из фундаментальных "прав человека", к примеру, состоит в "праве получать и распространять информацию", т.е. в свободе коммуникаций. Однако эта свобода сама имеет тенденцию превратиться в нарушение прав, потому что в понятие свободы не входит обязательство распространять только "правдивую" информацию или информацию, "не нарушающую нравственность". Ни строгого определения "правдивой информации", ни общепринятого представления о нравственности не существует. Описание дарвиновской теории эволюции или библейской истории евреев в умах десятков миллионов людей подпадает под определение ложной информации. Игривые карикатуры Эффеля (не говоря уж о датских карикатурах на Мохаммеда) оскорбляют нравственность многих искренне верующих. А информация, распространяемая мусульманскими СМИ, превосходит все допустимые в Западном мире стандарты недостоверности, вовсе не нуждаясь в правдоподобию. **Возможно, что и восприятие материальной действительности в разных культурных кругах тоже в чем-то различно**. Кто знает, "что есть истина"?..

Вплоть до XX в. Западная цивилизация не нуждалась ни в каком одобрении со стороны остальных и приводила другие народы к согласию силой. Во многих исторических случаях (например, побежденные Германия и Япония) это привело к отличным результатам. Такое "согласие", однако, включало и усвоение множества западных либеральных идей (в том числе и

идеи "прав человека"), которые неизбежно вступали в противоречие с насильственным способом их внедрения.

Российские выходцы, хорошо понимают эту проблему на примере насильственного внедрения европейских порядков Петром 1-ым. С тех пор прошло 300 лет, но и сейчас не перестали еще там убежденные сторонники допетровского уклада. Основатель современной "Евразийской партии" и горячий поклонник теорий Льва Гумилева, Александр Дугин, определил свое видение чаемого будущего "евразийской" цивилизации в России, как "Цивилизации пространства", в отличие от беспокойной "Атлантической цивилизации времени".*

*** Хотя многие "атлантисты" вовсе не спешат звать нас в свою компанию, весь "евразийский" мир совершенно уверен, что Израиль с головой принадлежит к этой "цивилизации времени". Конечно, при сопоставлении с допетровской "цивилизацией пространства", это выглядит правдоподобно .**

Не только согласие, но даже и обсуждение подобных вопросов, не может быть обеспечено без принятия какого-нибудь общего принципа,

который смог бы послужить начальной аксиомой для обществ, ориентирующихся на столь различные ценности.

Есть, однако, в Библии призыв, который внятен почти всем вариантам послебиблейских конфессий и, в первом приближении, мог бы рассматриваться как нулевая аксиома для всех:

"Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло... Жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие...

Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое..." (Втор. 30, 19.)

Мир Библии асимметричен. Жизнь лучше смерти. Свет лучше тьмы. Материя лучше пустоты...

Природа не знает этих противопоставлений. Наше сознание (и познание) невольно детерминировано нашими глубинными интересами. Сама эта концептуальная двойственность отражает нашу страстную заинтересованность в одной из сторон. Мы знаем только жизнь.

А смерть для нас остается предметом пугающих спекуляций. Даже не минусом, а сплошным вопросительным знаком...**

**** Мир китайских представлений, развитый отрешенными мудрецами, более нейтрален и включает на равных "Инь" и "Ян".**

Так же отчасти сбалансированы мировые тенденции и в цивилизации индусов. Поэтому и время в этих культурных группах, не имеет определенного направления, а ведет их по кругу, сообщая характеру их обществ некоторую избыточную пассивность.

Предпочтение жизни для всех жизнелюбивых народов еще недавно казалось чуть ли не само собой разумеющимся. Если люди хотят жить, можно попытаться найти такую общую формулу, которая позволила бы им примирение перед лицом неминуемой смерти. Даже и "джихад" - неудержимая тяга к преодолению - категорический императив, культивируемый Исламом, предусматривал такой компромисс для крайних случаев - "сульх" - перемирие.

Однако библейская жизнеутверждающая асимметрия, превращаясь в господствующее мировоззрение, порождает и свою внутреннюю оппозицию. Сосуществование в видимом мире контрастов и различий, света и тени, богатства и нищеты соблазняет изощренный человеческий разум к мысли о возможной вражде между ними. Иногда даже в форме непримиримой космической борьбы между Добром и Злом.

Влияние такой мысли, впервые укрепившейся в древнем Иране благодаря зороастризму, проникло во все варианты монотеистической религии еще в античные времена (ессы в иудаизме, множество сект гностиков, манихеев, катаров в христианстве и исмаилитов в исламе) и иногда направляло мысли людей и судьбы народов в течение веков.

Во всех послебиблейских религиях сложились с тех пор, так называемые, "гностические" ереси и толки, склонявшие своих последователей переменить направление асимметрии на противоположное и представлять торжество жизни на земле как победу зла, небытие как более

высокое состояние и материю как грязь, засоряющую сияющую пустоту.

Это неизменно приводило к мрачным, мироотрицающим идеям и даже к культу смерти и несуществования. Для членов такой секты предпочтительность жизни не очевидна, и упомянутый выше общий принцип не может вести к взаимопониманию.

Христианство систематически боролось с этими ересями, порою словом, а чаще, огнем и мечом. Против альбигойцев (катаров), населявших Прованс и Лангедок, римский папа даже организовал целый Крестовый поход. Когда благочестивые рыцари обратились к духовному авторитету с вопросом, как отличить еретика от честного католика, он ответил исчерпывающе: "Убивайте всех. На том свете Господь распознает своих." Война продолжалась 30 лет. Целые области Франции были опустошены... С тех пор история Франции пережила такие бури, что этот эпизод затерялся во мгле веков. Поэтому в христианской культуре почти не осталось наследников гностических учений.

Иначе обстоит дело в Исламе. Возникновение и распространение Ислама совпало с возникновением и расширением мусульманского государства, и вопрос о вере всегда переплетался у них с вопросом о власти. Три из первых четырех ("праведных") халифов были убиты на почве якобы религиозных разногласий. Убийство халифа Али (из рода пророка Мохаммеда) узурпатором Муавией (из рода Омейя) послужило причиной первого, фундаментального раскола Ислама на две ветви - шиитов (сторонников Али) и суннитов - всех остальных.

Прецедент несправедливого отстранения от власти халифа - всемирного главы верующих - впоследствии повторялся много раз, и едва ли не каждый раз это приводило к образованию новой секты последователей обиженного или замученного "праведника". Члены отделившейся секты затем развивали Ислам, как им казалось, в духе заветов Пророка, но уже с поправками, внесенными их временем и обстановкой.

В одной из больших шиитских гностических сект "исмаилитов" к концу IX в. оформилось сильное радикальное крыло, "низариты", - от имени Низар - очередного неудовлетворенного претендента на халифат - впоследствии печально прославившееся в Европе под именем "асасинов" (гашишников). Тайное, мистическое учение низаритов позволяло им не только явно накуриваться гашишем, но и аллегорически толковать Коран, включая истовую веру в переселение душ и презрение к наличной, материальной жизни вплоть до прямой тяги к смерти. Одержимые посланцы секты - асасины - проникали повсюду и демонстративно открыто убивали своих врагов, не заботясь о собственной судьбе.

В конце XI в. низариты овладели несколькими крепостями в Иране и Сирии и создали централизованную структуру (орден - государство в государстве), оказавшуюся способной более 150 лет противопоставлять себя всему окружающему миру. Их мощь основывалась не столько на их военной силе, сколько на систематической практике политических убийств. Множество вождей крестоносцев, сельджукских сановников и египетских мамелюков погибло от рук бестрепетных асасинов-смертников, посланных Горным Старцем из Аламута (так назывались глава секты и их крепость в северо-западном Иране близ Каспийского моря).

Правление Старцев, наводившее ужас на все соседние страны, было прервано только нашествием монголов, которые, будучи еще варварами-язычниками, не вникли в вероисповедные тонкости мусульман, сравнивали с землей Аламут и перебили все его население (т.е. они поступили, как крестоносцы во Франции поступали с катарами). Мамелюки воспользовались замешательством и сделали то же самое с опорными пунктами низаритов в Сирии.

Низариты, как единая политическая сила, рассеялись, но не исчезли. В отличие от альбигойцев, они навсегда остались в памяти народов, как устрашающий прецедент. Во всех европейских языках слово "асассин" с тех пор означает "убийца". Хотя с точки зрения ортодоксального Ислама, все они были несомненные еретики, их былая пугающая слава способна и сейчас подавать вдохновляющий пример мусульманским экстремистам. Число их открытых последователей в разных районах Азии достигает теперь нескольких миллионов человек.

Поскольку гностические секты (и катары в Европе, и исмаилиты в Азии) веками подвергались гонениям, в их среде выработались приемы маскировки под ортодоксию, которые получили арабское название "такыйя" - мысленная оговорка. Член такой секты может

(и часто даже должен) скрывать свою религиозную принадлежность и расхождение с общепринятой догматикой, внешне выполняя все правила общины, в которой он живет. При такой тактике никто не может знать наверняка, сколько из правоверных принадлежит к этой секте.*** Более того, уровень знания своих первоисточников у мусульманских (да и у всех прочих) масс сегодня таков, что отличить ересь от ортодоксии в своей вере они могут не более, чем могли крестоносные рыцари в XIII в.

***** *Приняв в расчет эту практику, мы поймем, что недоуменные вопросы крестоносцев к папе о катарах, возможно, происходили не только от их простодушия.***

Никто из мусульманских священнослужителей не гарантирован от мести тайных асасинов, если он публично попытается протестовать против их практики использования понятия "джихад" в политических целях, которое в последние годы стало чуть ли не нормой. Не скрывается ли за идеологией шахидов, которая в столь короткое время распространилась по всему мусульманскому миру, несмотря на очевидное противоречие с Кораном, влияние тайной секты, сильной своей древней верой и хранящей опыт тотальной войны против всего мира?

Представители крайних мусульманских организаций уже не раз открыто заявляли, что "западный мир обречен, потому что они слишком любят жизнь, а мы любим смерть". Это совсем не согласуется с буквой Корана. Однако исламские священнослужители, по-видимому, тоже "слишком любят жизнь", чтобы обратить внимание своих верующих на то, что это еретическое исповедание асасинов.

Пожалуй, не стоит гадать о неизвестном. Достаточно того, что мы достоверно знаем. Многочисленные представители **мусульманского мира** (ортодоксальны они или нет) в своем демонстративном противостоянии западной цивилизации успешно освоили **новый вид оружия и заставили западное общество врасплох на полдороге к торжеству пацифизма. Введение в практику боя самоуправляемого, самомаскирующегося и самокорректирующегося снаряда с неограниченным радиусом действия, которым становится снаряженный и обученный шахид, меняет все сегодняшние тактические правила войны** на земле, на море и в воздухе, и отчасти уравнивает шансы.

В западном мире нанесение ущерба противнику всегда сопоставлялось с риском возможных потерь для себя. И предполагаемые действия противника до сих пор оценивались по той же рациональной схеме.

Современное оборонительное оружие было рассчитано на врага, которому есть, что терять, и он не ищет гибели. При тактической игре в поддавки упрощенная партизанская доктрина самоубийственных террористических атак оказывается вполне конкурентноспособной с суперсложными системами, призванными обеспечить безопасность западного человека. Это нововведение меняет понятие о войне...

Изменение понятия о войне меняет и понятие о мире. Точнее, меняет наше представление о возможности заключения мира.

Принимая общебиблейский принцип - **"Избери жизнь!"** - мы все еще остаемся на одной почве с противником. И мы можем с ним торговаться, но можем и уступить, допустив существование у нас общих интересов и, возможно, общего будущего.

Отвергая этот общий принцип, противник не оставляет нам выбора.

Западный человек под страхом смерти оказывается вынужден принять тотальный способ ведения войны варваров-монголов (или варваров-крестоносцев), от которого он уже давно, в принципе, отказался.

Американский президент вынужден выслушивать упреки в нарушении "прав человека" от представителей стран, где об этих правах знают только из американской пропаганды. Внутри западного либерального общества принять решение о тотальной войне почти столь же трудно, как и принять решение о тотальной капитуляции, и наши постоянные уступки террористическому противнику всегда рассчитаны лишь на оттягивание решающей конфронтации.

Внутри мусульманских обществ любая уступка агрессивной еретической идеологии

означает замедление в их общественном развитии, которое и так слишком медленно, чтобы предотвратить их неуклонное сползание в нищету.

Библейская жизнеутверждающая асимметрия безразлична к благосостоянию обществ. Время у пост-библейских народов однозначно течет от прошлого к будущему. Оно движется от создания мира к его концу. И это направление многозначительно для нас совпадает с направлением времени в каждой индивидуальной жизни. Совпадение это невозможно переоценить. Именно оно порождает концепцию Истории и Прогресса.****

****** Впрочем, во всех религиях сохраняется, как не обязывающая, пессимистическая тенденция ссылаться на прошлые, более счастливые времена, когда уровень благочестия якобы стоял выше, а идеализм и добродетель процветали.**

Оно порождает иллюзию Цели и Смысла и направление стрелы времени в нашем сознании. Совпадение это заложено в самом основании Западной цивилизации***** и сообщает также и Исламу его наступательный характер.

******* "Только цель, вынесенная вперед, превращает путь в железно-дорожную колею, аккуратно разбитую на километры. На этой модели времени (которое считают как деньги) основана вся современная экономика и техника." (Г.Померанц, "Синтаксис", N 15)**

Оно придает неосознанной природной активности человека онтологически положительную оценку и благословляет его на дальнейшие свершения. Западное общество не остановится. Оно развивается не по воле отдельных лиц. Инерция его развития далеко еще не исчерпана.

Однако , и террор мусульманских (хотя бы и еретических, квазимусульманских) экстремистов-фанатиков не может остановиться. Он психологически необходим всему мусульманскому сообществу в целом, как открыто не признаваемое ободрение, как скрытая моральная компенсация за их историческое отставание. Как допинг отстающему спортсмену. Как лекарство от многолетнего комплекса неполноценности...

К счастью отдельные преуспевающие группы и организации в мусульманском мире совершенно не нуждаются в таком допинге. Более того, террор, осуществляемый от имени всего мусульманства, разрушает их благосостояние и преуспевание...

Однако до сих пор еще влиятельные мусульманские круги не выступили с открытым осуждением еретического характера идеологии террора. Скорее всего потому, что этот террор угрожает им самим в первую очередь, и в их обществах нет эффективных средств защиты. Однако, пожалуй, только на существовании этих немногих преуспевающих мусульман и основаны все надежды Запада на достижение мира. Они и есть та чрезвычайно тонкая нить, на которой подвешена судьба человечества в XXI веке.

Конфликт цивилизаций

Взрыв в дискотеке "Дольфи" прозвучал 1 июня, в Международный День Защиты Детей. Вряд ли в мусульманском мире даже помнят эти европейские выдумки. Установление таких дней, всяких международных правил и основание соответствующих организаций - чисто европейская игра и способ принимать желаемое за действительное.

Большинство убитых на этот раз оказались детьми репатриантов, потому что "Дольфи" - "русская" дискотека. Почти все жертвы - девочки от 14 до 19 лет, потому что дискотека в рекламных целях сделала для девочек бесплатный вход. Многие оказались ученицами одной "русской" ("математической") школы. Откуда у школьников деньги...

Глядя на милые любительские фотографии убитых девочек, на их еще не оформившиеся, смешные и трогательные мордашки, трудно отделаться от сложного чувства близости, родства и какой-то неясной вины за их внезапную смерть, такую нелепую и незаслуженную. Хочется обратиться с упреком к кому-то власть имеющему, хоть бы к той же Организации Защиты Детей: "Ну, что ж это такое!? Девчонкам уже и потанцевать нельзя? Пусть бы подросли. Хоть успели бы провиниться, что ли..."

Впрочем, и лицо террориста-самоубийцы оказалось довольно симпатичным и чуть ли не интеллигентным. Ему было уже 22 года. Год или два он провел на учебе в Италии. Отец его, вполне благополучный с виду джентльмен, сказал по телевидению, что гордится своим сыном, и если бы у него было двадцать сыновей, то двадцать дискотек уже взлетели бы в воздух, радуя его доброе, старое сердце.

Тут наступает разрыв в понимании. Мы принадлежим к разным цивилизациям. Конечно, мы помним вынужденный, из-под палки, энтузиазм советской пропаганды, но все же одного страха наказания и там было бы мало, чтобы на другой день после смерти сына произнести такую фразу. Объяснить европейскому гуманисту это отсутствие симметрии в нашем противостоянии едва ли возможно. На то он и гуманист, что всегда видит сразу две стороны.

Их действительно две. С одной стороны с полгода назад родители израильских жертв палестинского террора поехали на торжественную встречу с Арафатом, умоляя его остановить кровопролитие. И Арафат, конечно, отечески им улыбался.

С другой стороны 7-летняя палестинская девочка в Вифлееме в ответ на рождественский вопрос тележурналиста, чего она хочет в Новом году, наивно ответила: "Чтобы убили всех евреев".

Чтобы понять эту загадку, следует отвлечься от эмоций и обратиться к тому, что многие люди считают абстракциями.

В 1993 году Самуэль Хантингтон, директор Гарвардского Института Стратегических Исследований, опубликовал программную статью, которая называлась "Столкновение цивилизаций?" (именно, с вопросительным знаком) и рассматривала варианты возможных будущих конфликтов, угрожающих миру во всем мире. В присущей ученому гипотетической форме он писал: "Я предполагаю, что теперь основной источник конфликтов в современном мире будет лежать не в идеологии или экономике. Фундаментальные расхождения в человечестве и причины конфликтов будут носить скорее культурный характер. ...Столкновение цивилизаций определит мировую политику. Границы между цивилизациями превратятся в линии будущих битв. ...

В классовых или идеологических конфликтах прошлого ключевым вопросом было "Ты на чьей стороне?", и человек мог выбрать сторону или даже перебежать на другую. В конфликте цивилизаций вопрос ставится иначе: "Ты кто?" - и человек больше не волен в ответе. Между тем, неблагоприятный ответ, как мы знаем из опыта Чечни, Боснии или Судана, может означать пулю в лоб". (Здесь не помешало бы ему вспомнить, что именно такая ситуация уже осуществилась на пятьдесят лет раньше для евреев Европы)...

Хантингтон констатирует наличие непреодолимого разрыва в понятиях между большими культурными общностями, как Ислам и Христианство, Китай (Конфуцианство) и Индия, Япония и США и предсказывает возможность перерождения этих различий в глобальные конфликты при будущем дележе ресурсов. Он предлагает различать "Западную", Конфуцианскую, Исламскую, Индуистскую, Славяно-Православную и другие цивилизации. Из них только Славяно-Православная обнаруживает время от времени склонность (очень нестойкую, впрочем) отчасти солидаризоваться с технологически и психологически доминирующим Западным обществом, остальные, так или иначе, становятся ему все более враждебны.

Западные люди часто склонны рассматривать свою цивилизацию, как универсальную, наиболее соответствующую чаяниям всего человечества. Такое впечатление и впрямь может возникнуть при виде того, как охотно люди во всех странах перенимают западные технические усовершенствования и бытовые удобства. Такое впечатление очень многим казалось верным и в СССР в первые годы Перестройки. Однако, на более глубоком уровне включаются мощные механизмы отчуждения, которых западный человек, как правило, не понимает и недооценивает. Коренные западные идеи персонализма, свободы и ответственности, равенства возможностей, демократии и свободного рынка, власти закона и человеческих прав, объективности и "честной игры", благодаря которым достигнуто западное техническое превосходство, очень редко вызывают широкие симпатии в мусульманском или конфуцианском мирах.

Так называемая, глобализация и увеличение интенсивности международных контактов, не столько смягчает существующие конфликты, сколько повышает вероятность возникновения новых. В частности, внедрение элементов западной демократии в исламских странах пока что чаще всего приводит только к усилению антизападных, фундаменталистских движений.

Хотя глобальное развитие цивилизационного конфликта остается пока не больше, чем весьма вероятной гипотезой, для нас в Израиле этот конфликт уже в разгаре. Наиболее пугающей чертой наличного противостояния является разное восприятие сторонами самой концепции мирного сосуществования. Равенство возможностей, открытость и безопасность, рассматриваемые как само собой разумеющиеся условия сосуществования на западе и в Израиле, в мусульманском мире представляются просто условиями западного доминирования... При наличных обстоятельствах, отчасти, так оно и есть. Мирные отношения выгодны, прежде всего, нам.

Хотим мы этого или не хотим, прочное мирное соглашение, каким бы оно ни было, надолго закрепит отсутствие равенства в положении Израиля и палестинского общества в политике, экономике и культуре. Никакие наши уступки не скомпенсируют арабам их фундаментального культурного отставания, приводящего к неконкурентоспособности. Преодолеть этот разрыв могла бы только глубокая, всесторонняя ассимиляция, вряд ли возможная даже при условии горячей и разделенной любви. Этот вариант в прошлом вдохновлял романтиков. Но реальная ситуация разочаровала и их. Ниже приведена наша беседа пятилетней давности с известным израильским писателем Йорамом Канюком, много сил (и лет) потратившим на борьбу за мир с арабами:

А.В.: Вы писали, что большинство молодых арабских интеллектуалов обращаются к мусульманскому фундаментализму. Что с ними происходит?

Й.К.: 70 процентов арабских студентов, учившихся в элитарных университетах, как Оксфорд, Гарвард, Гейдельберг или Йейл по возвращении на родину становятся фундаменталистами. Лучшие становятся худшими. Представители арабской интеллектуальной элиты выбирают фундаментализм, потому что они не в силах соответствовать требованиям современного технологического общества. Во всех областях сегодняшней жизни они оказываются людьми второго сорта, неспособными выдержать конкуренцию. Им обидно, что Израиль при этом занимает третье место среди стран, развивающих высокую технологию. Чтобы вернуть себе потерянное в Европе и Америке самоуважение, они возвращаются к своей архаичной культуре и древней религии, которыми они могут гордиться. Этой

культурой они защищаются от притязаний современного конкурентного общества, в котором они потерпели поражение. То, что евреи опередили их настолько, просто сводит их с ума. И они напоминают себе, что когда-то, давным-давно, у них тоже были достижения - в философии, в поэзии и даже в математике. ... Это проблема не отдельных личностей, а целых суверенных государств, Ливана, Сирии, Египта. Все, кто возвращается туда после учебы, люди второго сорта. Мало-мальски стоящие не возвращаются вовсе. И у нас в Израиле они не хотят получать какие бы то ни было преимущества из наших рук. Им оскорбительна мысль, что мы - их покровители. ... Само наше присутствие в центре арабского мира им невыносимо - мы для них инородное тело.

А, между тем, военный конфликт в любой своей стадии утверждает некоторое (конечно, только кажущееся) равенство сторон (и даже, как будто, преимущество палестинских радикалов, которые меньше нас заинтересованы в мирном соглашении).

Это мнимое равенство является очень сильным психологическим фактором в этнической консолидации и отчасти компенсирует палестинцам материальные потери, которые несет им война. Ординарное западное (и еврейское) сознание, которое не знает ничего дороже жизни, с трудом осваивает мысль, что постоянное соседство смерти вовсе не пугает мусульманских фундаменталистов. Оно не пугает также и очень многих откровенных честолюбцев и обыкновенных искателей приключений. Солдатское мужество во многих (особенно, молодых и бедных) обществах более распространенная добродетель, чем интеллект и трудолюбие. И война становится тем простейшим средством конкуренции цивилизаций, которое в первую очередь привлекает внимание амбициозных лидеров.

Оба участника нашей локальной конфронтации (Израиль и Палестинская Автономия) не представляют собой чистые случаи Западной либо Мусульманской цивилизации. Но наши доминирующие тенденции уже сейчас находятся в непримиримом конфликте. Если еврейское общество, так или иначе, озабочено в первую очередь жизнью и безопасностью своих граждан, внимание противостоящего ему арабо-мусульманского единства (в той степени, в какой оно - единство) направлено на защиту коллективных ценностей, вроде престижа, торжества идеологии или национальной гордости...

Продолжим разговор с нашим интеллигентным, чувствительным соотечественником, всей душой сочувствующим людям чуждой цивилизации:

А.В.: За что же вы, израильские интеллигенты, боролись вместе с арабами?

Й.К.: За то, чтобы израильское правительство признало Арафата представителем палестинского народа и вступило с ним в переговоры о создании палестинского государства. Именно, когда мы добились осуществления этой мечты, арабская интеллигенция прервала с нами всякие отношения.

А.В.: Что же, они вас обманывали?

Й.К.: Нет, нет, это мы обманывали себя. Они просто использовали нас. ... Ситуация трагическая: арабские интеллектуалы не хотят мира с нами. И выражают истинное желание арабского народа уничтожить Израиль.

А.В.: Но, если это правда, то не логично ли предположить, что весь этот, так называемый, "мирный процесс" был ошибкой? Почему вы так отчаянно боретесь... неизвестно за что?

Й.К.: Потому что я чувствую, что должен сделать все, чтобы у арабов было свое государство. Это государство нужно мне, чтобы я мог чувствовать себя человеком. Мы перед ними в долгу, а главное - этого требует историческая справедливость.

А.В.: Что такое историческая справедливость? Может быть сама идея одинаковой справедливости для всех порочна?

Й.К.: Очень может быть, но я хочу быть прав внутри себя. ... Все эти замыслы, все мечты о мире родились в умах израильских интеллектуалов, писателей, поэтов, людей искусства. И мы призвали арабскую интеллигенцию вместе бороться за эти идеи.

А.В.: Но они, возможно, никогда не разделяли ваших идей.

Й.К.: Надо предоставить им государство, и мы будем знать, что поступили правильно...

Слова Йорама Канюка обнаруживают его преданность идеализированной иудео-христианской ("западной") системе индивидуального поведения, основанной на чувстве вины ("больной совести") по отношению к слабому и обделенному. (На таком же чувстве основаны и все начинания типа "Дня защиты детей"). Такая психологическая установка требует искать причину социального или политического неустройства мира прежде всего в себе и пытаться усовершенствовать свой образ действий. Влияние этой установки на отношения между людьми частично и в самом деле привело к смягчению психологической атмосферы внутри Западных стран и их сегодняшнему относительному социальному благополучию. Однако, еще никто в истории (в том числе и на Западе) не опробовал эту систему на массовом, международном (или межгосударственном) уровне. Взаимоотношения народов в истории всегда поражали воображение своим откровенным цинизмом (достаточно вспомнить заявление Де Голля: "У Франции нет друзей, у Франции есть только интересы"). Мир, по-видимому, именно на евреях собирается проверить, возможно ли установить прецедент нравственных взаимоотношений между народами (особенно, принадлежащими разным цивилизациям).

"Это государство нужно мне, чтобы я мог чувствовать себя человеком" - в этой фразе не хватает прилагательного - "чтобы я мог чувствовать себя **"западным"** человеком". Йорам Канюк понимает (и допускает) взаимоотношения людей, только как отношения личностей, и только в той специфической форме, в какой они согласуются с обычно подразумеваемыми идеалами привычной нам цивилизации. В реальных же конфликтах участвуют народы, большинство членов которых индивидуально далеки от всех и всяческих идеалов, в том числе и тех, что приписываются их цивилизациям.

В конфликтах участвуют народы, но переговоры ведут только узкие группы (а то и единственный человек!). От того, кому была вручена судьба переговоров и каков был механизм этого выбора, зависит будущее обоих народов. Больная совесть редко отягощает души политических лидеров, но, несомненно, что, по крайней мере с нашей стороны, они учитывают влияние поэтов и писателей на голоса избирателей.

Два миллиона палестинцев были отданы в руки Ясира Арафата, чтобы у израильских интеллектуалов была чистая совесть, чтобы "мы знали, что поступили правильно".

А не могло ли случиться, что даже "поступая правильно" наши политики сделали при этом неправильный выбор? В конце концов, когда борьба наших интеллектуалов еще только начиналась, Арафат был не единственной возможной кандидатурой. Может быть если бы выбор партнера для переговоров меньше зависел от "писателей, поэтов и людей искусства", удалось бы обойтись меньшим количеством жертв с обеих сторон? Нечто подобное ведь произошло и на Кубе: "Родина или смерть!", "Куба - да! Янки - нет!". Сколько поэтов вложили свою душу в это затянувшееся бедствие "острова свободы"? Честолюбие таких людей, как Кастро или Арафат (также и Саддам Хусейн, Кадаффи) не ограничивается локальной задачей возглавить "свое" государство. Не будучи в силах обеспечить своему основному населению сносное существование, они зато дарят неискушенной молодежи вдохновляющую романтику вечной, "справедливой" борьбы и используют свое государство, просто как инструмент мировой политики. Сотни кубинцев зазря сложили кости в странах Африки и Латинской Америки, и палестинцам предстоит такая же почетная миссия в мусульманском мире.

Подобно Фиделю Кастро, Арафат очень многому научился у бывшей "Империи зла", по-видимому, главным образом в отделе дезинформации КГБ. Отличие и удача его движения в сравнении с европейскими террористами (например, германской бандой Баадер-Майнгоф или итальянскими "Красными бригадами"), так же как и он поддержанными (или созданными?) КГБ, состояло в том, что европейцы принадлежали к той же западной цивилизации, с которой

боролись, и потому действовали против своей гуманно-христианской традиции. Арафат же действовал в согласии со своей мусульманской средой, которая не знала гуманизма и не нуждалась в оправдании насильственных действий. Если вопрос о соотношении цели и средств иногда отягощал совесть европейских авантюристов ("Можно ли строить храм всеобщего благополучия на слезинке одного ребенка?"), то террористические средства Арафата всегда остаются в гармоническом соответствии с его целью и поддерживают вековую народную мечту о сокрушительной победе над неверными. Европейские террористы как бы жертвовали собой, брали грех на душу и порывали с моралью и обществом ради великой, всеобщей цели. А члены ФАТХа, напротив, выполняют почетный долг всякого правоверного, забытый за повседневными заботами о хлебе насущном, и пользуются одобрением своих родных и религиозных авторитетов.

Новый элемент, который Арафат внес в движение, состоял в умелом использовании европейских формул: "палестинский народ", "беженцы", "израильская оккупация", "неоколониализм", "право на возвращение", "мирные усилия", которые располагают к нему сердца западных обывателей. Все эти слова-клише по разному не соответствуют своему исходному, западному смыслу, но **в сочетании создают в сознании европейца (в том числе и еврея) какое-то подобие** невыполненных обязательств по отношению к несчастному палестинскому населению. Нечто вроде нечистой совести, которая просыпается у всякого здорового человека при виде чужой безысходной нищеты и болезней. Как будто палестинцы живут хуже жителей других арабских стран, или будто мы могли бы взять их за руку, благополучно провести сквозь все омуты и лабиринты их собственной истории и без потерь вывести на сухое место.

На этом иллюзорном базисе основывает свою продуманную политику Арафат. Его клика, продолжая тратить международные пожертвования на свои роскошные виллы, не устает регулярно и бессмысленно обстреливать Израиль из школ и густонаселенных кварталов, в надежде на достаточно жесткий израильский отпор, который укрепит среди европейцев их статус незащищенных жертв. Они со страстью рекламируют свои потери, особенно если им удастся подсунуть под пули детей. Их война ведется за сочувствие европейского телезрителя, у которого не хватит внимания разобраться, кто там первый выстрелил. Наша военная мощь оказывается бесполезной в этой игре в поддавки. Как сказал член израильского кнессета Юрий Штерн: "Мы похожи на Гулливера, которого лилипуты связали своими ниточками, и он боится тронуться с места, чтобы не передавить их".

Лучшие чувства интеллектуалов уже не однажды заводили мир в кровавые тупики.

Не лучше ли было бы защитить от ХАМАСа и ФАТХа палестинских детей? Если их учителя не подставят их под пули сегодня, из них воспитают профессиональных боевиков и террористов-самоубийц в будущем. Отравленные безумной пропагандой ненависти, эти дети заранее принесены в жертву грядущим конфликтам, которые Арафат и его клика не устанут изобретать, пока это держит их на поверхности.

Может быть гипотеза Хантингтона и не имеет будущего. Правящие элиты и средний класс многих мусульманских государств давно предпочитают западный образ жизни и западную систему ценностей. Хотя они сами находятся в состоянии необъявленной войны против мусульманского фундаментализма, в некоторых странах им удастся наладить довольно эффективные взаимовыгодные отношения с Западом (и с Израилем).

Принадлежит ли Израиль к Западной цивилизации? Это остается под вопросом.

Суть не в терминологических спорах, в которых евреи и все, что с ними связано, всегда оказываются исключением, а в том, до какой степени израильский гражданин готов принять на себя все обязательства и ограничения, которые накладывает принадлежность к этому культурному континенту. На противоположно поставленный вопрос - ощущает ли Западная цивилизация, что Израиль составляет ее неотъемлемую часть - ответить тоже не легко. Неизменно односторонняя позиция европейских правительств в арабо-израильском конфликте добавляет все больше горечи к чувству **солидарности израильтянина с либеральной западной цивилизацией**.

Израиль обособляется и, как целое, отплывает от обеих больших цивилизаций.

Тем не менее, внимание которым одаряют Израиль западные средства информации, выходит за все мыслимые границы. Возможно, это означает, что они видят Израиль, как точку встречи конфликтующих культурных структур, по которой можно будет предугадать развитие событий.

Ведь будущий грандиозный конфликт возможен, но не предопределен.

Политические авантюристы, вроде Арафата, Кастро или Саддама Хусейна не могли бы существовать без массовой поддержки из-за рубежа. Потеряв многолетнюю помощь СССР, Арафат на некоторое время переквалифицировался в управдомы и перебивался за счет западных пожертвований на мирный процесс, который ведь тоже требовал денег. Теперь, когда эта карта уже отыграна, Арафат будет все больше склоняться к защите общих мусульманских святынь ("интифада Аль-Акса") в надежде получить поддержку от фундаменталистов (скажем, Бин Ладена) и вызвать действенные симпатии всего мусульманского мира. Если это удастся, и при этом он умудрится избежать соперничества за престиж с родственным ему по духу и амбициям Саддамом Хусейном (оба при этом отъявленные безбожники!), не исключено, что они вдвоем сумеют расширить конфликт до глобального и добиться осуществления худших ожиданий Гарвардского Института Стратегических Исследований.

Тогда про "День защиты детей" на некоторое время придется забыть.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ ТЛИНКИТОВ

Летом 1990 я по своим научным делам был в Сиэттле, штат Вашингтон, очаровательном городе на западном берегу США, на границе с Канадой.

Там в это время проходил Советско-Американский симпозиум по Правам человека. Перестройка тогда была уже в самом разгаре, но участие СССР в защите прав человека все еще воспринималось как анекдот.

Руководство местной еврейской общины, сыгравшей в свое время важную роль в защите прав евреев в СССР (покойный В. Джексон был сенатором от штата Вашингтон), попросило меня, как бывшего активиста, включиться в работу симпозиума. К тому времени большинство моих друзей-отказников, также как и диссидентов, были уже на свободе, и я впервые мог наблюдать подобное событие сравнительно объективно, почти без страсти.

Первое новое обстоятельство, обратившее на себя мое внимание, состояло в том, что советская делегация отчетливо делилась на две неравные, не смешивавшиеся группы: хорошо одетые, непринужденные но хмурые функционеры и неуместные в своих новых галстуках, измученно-потерянные диссиденты. Функционеры в кулуарах явно чувствовали себя увереннее и откровеннее с американцами, и даже со мной, чем со своими неудобными соотечественниками. Они неопределенно пожимали плечами в ответ на любой вопрос, касающийся остальных членов советской делегации. Видимо, их шокировал ее состав.

Диссидентов качало в любом обществе. Они не выходили из состояния мрачной и недоуменной озабоченности. К тому же они не понимали ни слова по-английски.

Функционеры профессионально умело, на хорошем английском, в общем отбивали мячи, пущенные нью-йоркскими адвокатами, хотя на их лицах ясно было написано, что они уже нетвердо знают, продолжается ли еще старая игра, и для чего все это нужно. После небольшого препирательства, направленного на поддержание своей профессиональной репутации, они неожиданно легко соглашались на самые либеральные формулировки, не включавшие их обычных оговорок насчет безопасности и госинтересов. Быть может, они тоже чувствовали тайное облегчение от редкой возможности снять с себя тяжкое бремя выворачивания наизнанку юридической логики, которой они худо-бедно обучались все-таки в своих институтах. Юридическая логика по существу близка к компьютерной, ибо и та, и другая пользуются искусственно сконструированным языком, в котором не остается зазора между "да" и "нет". Обе они полностью применимы только к моделям вещей и событий, но не к реальной жизни как таковой. Применение моделей к реальной жизни остается целиком на совести юристов и зависит от их видения ситуации. Потому и судебная система повсюду далека от совершенства.

Диссиденты произносили тяжелые, выстраданные речи на русском языке. Переводчики старательно и неумело переводили их мучительные лагерные воспоминания и неожиданные художественные обороты, все время переспрашивая непонятные слова. Функционеры пережидали с отключенными лицами. Адвокаты привычно сочувственно расширяли глаза и по-западному вежливо не требовали уточнить, к какому, собственно, пункту текущей программы эти речи относятся.

Ни один из диссидентов ни разу не выступил по проектам резолюций.

Затем наступил черед прибалтов. Если бы не их нагрудные знаки, никто бы не догадался, что они являются частью советской делегации. Они хорошо, по-западному, выглядели и юридически убедительно аргументировали. Никто из них не ударялся в смутный, экзистенциальный опыт или правовую фантастику. Все трое четко отбарабанили примерно одно и то же: "...подлый гитлеровско-сталинский сговор, раздел добычи между империалистическими хищниками, узурпация народных прав, комедия всеобщих выборов, угнетение мелких, но свободлюбивых народов..."

Все вздохнули свободно. Функционеры расслабились и совсем ненастойчиво возражали. Адвокаты, наконец, схватывали с полуслова. Диссиденты горячо и неозабоченно кивали.

Прибалтами все были довольны. Их требования, казалось, воплощали здравый смысл. Они представляли суверенные государства, только по историческому недоразумению и бывшей советской злокозненности все еще не полностью свободные. Произносилось все это в обстановке, когда и правительство СССР готово было в той или иной форме признать законность их претензий.

Адвокаты предвкушали единогласные, плодотворные резолюции симпозиума, мысленно уже называя его "Тихоокеанской конференцией". Этот их успех, наверное, поведет к другим заманчивым конференциям (может быть, даже в Гонолулу!) для разработки деталей. Впоследствии на них будет ссылаться ООН, ... прием новых членов, новых клиентов, новые приятные возможности, ... их международный опыт, приглашения консультировать...

Следующим по программе был какой-то мистер Макферсон с адресом от юконских индейцев. Ну что ж, послушаем приветствие индейцев...

Мистер Макферсон выглядел пожилым англосаксом, играющим главную роль в американском вестерне - что-то вроде Соколиного Глаза - на нем в дополнение к галстуку висела еще какая-то кожаная мишура. Но он тоже оказался адвокатом.

Он сообщил ничего не подозревавшим слушателям, что индейский народ тлинкитов, живущий по берегам Юкона и в других областях Аляски, пал жертвой подлого сговора двух империалистических хищников: русского царя Александра 11 и американского президента Гувера, разделивших эту добычу вопреки воле свободолюбивых народов Юкона, которым теперь регулярно навязывают комедийные выборы и лишают элементарного права закупить вволю спиртного, не говоря уже об ограничениях на охоту и рыболовство. Охотничьи права тлинкитов вдобавок зверски нарушаются бродячими японскими рыбаками, а их миролюбивые призывы направить военный флот США для сокрушительного удара по агрессорам вызывают наглые насмешки конгрессменов. Народы Юкона поддерживают справедливые требования литовского, латышского и эстонского народов и, в свою очередь, ожидают, что конференция также единодушно поддержит и их, единственно возможное при сложившихся условиях, требование о создании суверенного государства тлинкитов на Аляске...

В этнографическом сборнике "Народы Азии, Африки и Океании" за 1953 г. (впрочем, за точность этой ссылки я по прошествии лет не поручусь) в подробной статье о тлинкитах можно было прочесть, что этот народ являет миру замечательный пример торжества марксистской теории происхождения классов, ибо, сохраняя еще все пережитки первобытного коммунизма, свойственного и всем окрестным племенам, он все же уверенно и без всякого постороннего влияния полностью развил в себе (хотя еще и не в классической, а только в семейной форме) **институт рабовладения** ...

Таким образом я невольно оказался свидетелем, как этот, опередивший остальных юконских индейцев, прогрессивный народ за прошедший с 1953 г. короткий период освоил уже и фразеологию международных конгрессов и институт наемной юридической помощи. Возможно, у них действительно скоро появится шанс превратить свою отсталую, семейную форму рабства в более прогрессивную, государственную.

Нужно сказать, что "буржуазная" западная наука того времени была менее снисходительна к тлинкитам и один из выдающихся ее представителей писал:

"Один вождь племени тлинкитов, желая нанести афронт другому, приказал убить у себя несколько рабов, в ответ на что другой, дабы не остаться в долгу, вынужден был убить своих рабов числом еще больше... Такое соревнование в щедрости называется в антропологии **"потлач"** - красноречивейшая форма выражения фундаментальной потребности человеческого рода, которую можно назвать **игрой ради славы и чести.**"

(Йохан Хейзинга, "Homo ludens", Москва, 2003г.)

Следом за мистером Макферсоном с аналогичным требованием выступил и аутентичный вождь племени. Хотя в своей речи он (для справедливости нужно отметить, что это был уже не тот вождь, что убивал рабов, поскольку Конгресс США это категорически запретил, тем самым воспрепятствовав свободному развитию своеобразной культуры тлинкитов) откровенно признал, что в отношении своего государственного бюджета вынужден целиком

полагаться только на Конгресс Соединенных Штатов, его амбициозная "игра ради славы и чести" приняла теперь внешне современную форму и потребовала безусловного суверенитета для его свободолюбивого народа.

Нет сомнения, что запрет рабовладения, наложенный конгрессом США, сильно стеснил тлинкитское сообщество и ограничил их экономические (и игровые) возможности. Однако, вождь утверждал, что его народ "уже созрел до государственной независимости" и призывал участников Симпозиума немедленно составить обращение к Конгрессу с требованием выделить необходимые для государственного строительства суммы и положить их на банковский счет Национального Совета Вождей Юкон-ских народов, поскольку очевидно, что собрать достаточно средств в государственный бюджет этого многообещающего государства среди самих тлинкитов будет невозможно.

Следующий Симпозиум по Правам Человека он предлагал организовать у них на Аляске и пригласить обоих президентов - США и СССР - в их стойбище на Юконе. Большая часть его выступления была посвящена деликатному вопросу о приглашении жен президентов, поскольку традиционные правила тлинкитов не позволяют послать приглашения женам от того же племени, что и мужьям. У них твердо принято брать жен из другого, смежного племени. Однако он, будучи современным человеком без предрассудков, был готов похлопотать перед своим знакомым, вождем смежного племени, чтобы жены президентов получили отдельные приглашения от него, в обход обычая, и тогда последние препятствия на пути всеобщего согласия будут устранены...

Он прилетел в Сиэтл на самолете, говорил на хорошем английском языке и во многих отношениях выглядел современником всех других участников Симпозиума.

Я привожу это историческое выступление в таких подробностях для того, чтобы сопоставить его с диагнозом уже цитированного выше антрополога-классика, который сегодня, связанный правилами политической корректности, может быть, уже и не решился бы высказаться столь определенно:

"Как социологическое явление "потлач" можно понять вне всякой связи с системой религиозных воззрений. Достаточно взглянуть в атмосферу сообщества, где безраздельно властвуют первичные инстинкты и внутренние побуждения, знакомые цивилизованному человеку как импульсы юношеского возраста... Это атмосфера чести, зрелища, похвалы, вызова. Человек здесь живет в мире рыцарской гордости и героических иллюзий, в котором высоко котируются имена и гербы, насчитываются вереницы предков. Это не мир забот о хлебе насущном, погони за необходимыми благами. Целью тут является престиж группы, высокое социальное положение, превосходство над остальными." (то же соч.)

Напрасно было бы объяснять, что народу тлинкитов, если он не хочет вымереть от голода и пьянства, лучше на время оставить идею государственной самостоятельности и послать своих детей в общеобразовательную школу. Престиж вождя, грандиозное видение его героической позы между двумя президентами мировых держав перевешивает в его сознании (а может быть и в сознании многих его единоплеменников) любые практические соображения, обычно приходящие в голову взрослому человеку.

Беспредельное расширение понятия прав (людей и народов), первоначально сформулированного в общепринятом европейском контексте, примененное к неевропейским условиям (где этот контекст даже неизвестен) превратилось в ловушку для демократического сознания. Им все более умело пользуются люди, культура которых не имеет ничего общего с демократической традицией, в особенности с признанием каких бы то ни было прав.

Содержательное возражение могло бы состоять в том, что свободная воля самого народа тлинкитов подавлена их вековой привычкой безропотно подчиняться своим вождям, но в ответ вожди могли бы предложить народный референдум, и в результатах такой проверки не приходится сомневаться.

Требования здравого смысла вовсе не обязательны для юридической процедуры. С точки зрения международного права единственным слабым местом требования вождя тлинкитов

являлось его слишком откровенное признание в неспособности самостоятельно собрать государственный бюджет.

Нет ли для ООН необходимости сформулировать для вождей народов не только права, но и обязанности? Например, обязанность самим себя содержать? Или правильно информировать и эффективно контролировать свое население?

Неспособность себя прокормить, впрочем, во многих других реальных случаях не явилась препятствием в признании права на национальную независимость (в чем именно состояла бы такая независимость?). В 80-х годах эксперты Германского посольства обследовали Газу и другие Палестинские территории и пришли к выводу, что никакого шанса на независимость у них нет, но с тех пор новое, социал-демократическое правительство предпочло пренебречь фактами в пользу идеологии.

Отделение политических прав от политических обязанностей в свободных странах приводит к тому, что особенно эффективно используют свои права именно те, кто никогда не исполнял обязанностей. Это приводит также к постоянному недовольству всех остальных граждан, которые слишком ясно видят, что их надувают. Общий результат нарушения баланса во всех свободных странах проявляется в непрерывном росте цинизма политиков и параллельно-пропорциональном росте распушенности граждан. Но если бы всякому, кто настаивает на своих правах, предстояло в пропорциональной мере выполнять гражданские обязанности, целые группы населения добровольно отказались бы и от прав. Даже и обязанность проголосовать многим гражданам свободных стран представляется теперь чрезмерной.

Нет такой демократической страны, в которой граждане были бы довольны своим правительством, которому, впрочем, они делегировали все свои обязанности, в то время как права получили, как бы от рождения.

Но в авторитарных странах подданные уважают, а то и любят своих диктаторов, ибо даже самое свое право на жизнь они получают только от них. Поэтому и во внешней политике ответственные демократические лидеры (которые помнят свои обязанности) слишком часто бывают вынуждены уступать самозванным вождям террористических режимов (которые знают только свои права).

Сегодня, впрочем, этот симпозиум не дался бы его организаторам так легко. Миротворительный албанский народ Косова или свободолюбивые народы Чечни и Руанды вряд ли приняли бы их казуистические аргументы, противопоставляя им логику свершившихся фактов. Тем более это относится к афганским талибам, хутту-тутси и другим, известным нам, борцам за расширение прав народов.

Я тогда был слишком занят в университете, чтобы в деталях проследить, как нью-йоркские адвокаты и московские международники объединили свои усилия, чтобы отвести эту беду от великих держав. Да, по правде говоря, мне вовсе не улыбалась перспектива быть как-то замешанным в такое сомнительное дело с непредсказуемым будущим. После исчерпания вопроса о правах диссидентов и евреев в СССР (в котором я казался себе компетентным) я оставил заседания. По-видимому нет рационального выхода из тупиков, в которые затягивает людей во всем мире слишком тесное столкновение культур.

Прошлый век оставил нам несколько примитивную мысль, что голосование есть справедливое решение большинства проблем, но при этом он затуманил для нас происхождение самого права голоса. Еще веком раньше всем было ясно, что право голоса имеет только тот, кто исправно выполняет общественные обязанности. В исходных формулировках античных демократий, как и в привилегиях граждан средневековых городов, всегда оговаривались обязанности, исполнение которых предполагало гражданские права. Ибо права - это следствие договорных (условных) отношений внутри коллектива людей, а обязанности - это необходимость (абсолютная), диктуемая всему коллективу окружающей природой (в том числе и соседствующими коллективами).

В девственном лесу обязанностью мужчины было выйти с копьем на мамонта, а

обязанностью женщины - укрыть от опасности ребенка. Отсюда происходили и их различные по духу права: высказаться при обсуждении плана охоты или наложить заклятье - запрет на пожирание какого-нибудь гриба.

В малых коллективах это очевидно и сейчас. Мое право голосовать в собрании жильцов существует лишь до тех пор, пока я плачу свою лепту в наш домовый бюджет, и домкому есть на что рассчитывать. Но в глобальном масштабе этот здравый смысл испарился, сменившись последовательным и бездумным потворством всем и всяческим правам.

Как бывший участник правозащитного движения в СССР я хотел бы решительно отмежеваться от безграничного расширения применимости этой первоначально столь благородной идеи. Никакая идеология не заменит естественного баланса прав и обязанностей.

В течение первых десятков лет существования государства молодая элита Израиля была воспитана не на правах, а на обязанностях. Пока это правило соблюдалось, Израилю не были страшны ни войны, ни кризисы. Со временем и по мере роста благосостояния, как и во всех других демократиях, центр общественного внимания переместился с обязанностей на права (слишком часто для воюющей страны на "права палестинцев"). За последние годы это привело к тому, что и само **право на жизнь** израильского гражданина оказалось теперь не обеспеченным.

Свобода с человеческим лицом

С возрастом жизненный опыт подсказывает так много поправок к любому утверждению, что молчание начинает казаться единственно разумной реакцией на события во внешнем мире. Однако молчание, будучи неопровержимым, остается и бессодержательным. А человек высказывающийся, хотя и не охватывает свою тему полностью, но в связи с предметом раскрывает себя и, таким образом, совершает поступок, приобретающий смысл, если и не тотчас, то со временем.

Таким поступком стала книга Натана Щаранского "В защиту демократии", выпущенная недавно на русском языке издательством "Захаров" в Москве.

Для того, "кто однажды отведал тюремной похлебки", нет в мире ничего дороже свободы. В среде русской интеллигенции, возникшей и выросшей в тени деспотизма, эта мысль стала содержанием веры, тайной мистической традиции, которой стойко придерживались редкие одинокие люди в России в течение десятков лет тотального советского беспамятства.

Натан (Анатолий) Щаранский - пасынок этой неудавшейся великой традиции, просидевший 9 лет в российской тюрьме за еврейское дело - сумел донести до мира эту выстраданную веру, когда сам ее носитель - либеральная русская интеллигенция - уже почти полностью вымер, не выдержав предательского равнодушия собственного народа.

Идея демократии, как разумного народоправия, отзывающегося на требования справедливости, выношенная русской либеральной мыслью, конечно, имеет общие черты с демократиями, исторически сложившимися в странах Европы и Америки. Нам, российским выходцам, для которых демократия была не столько конкретным образом чьей-то национальной жизни, сколько теоретическим идеалом, недостижимой мечтой, близка мысль, что именно эти черты реальных демократий отвечают общечеловеческим чаяниям. Действительно, громадный приток иммигрантов из всех уголков мира в Западные страны как будто подтверждает эту надежду.

Однако во всех демократических странах гражданам приходилось веками бороться за свое политическое устройство, так что история этой борьбы вошла в их элементарное воспитание. Поэтому такое политическое устройство, по крайней мере в какой-то степени, отвечает устройству их души. То есть сравнительно большой (достаточный для устойчивости) процент населения в этих странах сознаёт, что преимущества (и недостатки) демократического правления зависят от их собственного поведения.

Все демократии первоначально сложились на узкой олигархической основе. Включение все более широко-го круга граждан происходило в результате жестокой борьбы из поколения в поколение и усвоения ими соответствующих правил поведения. Те, кто по тем или иным причинам не способен к такой борьбе (сегодня протекающей на легальной основе, но в прежние времена, связанной со смертельным риском), фактически остаются бесправными и сегодня. Несмотря на общепринятую демагогию по поводу прав человека, никто и на Западе не склонен поступиться своими правами в пользу ближнего, чтобы вознаградить его за скромное поведение.

Одна из особенностей обществ, в которых впоследствии воцарились демократии, состояла как раз в том, что государство не стало у них единственным действующим фактором в истории. Церковь, городское самоуправление, рыцарские или монашеские ордена, цеховые гильдии, а потом и корпорации (например, Ост-Индская компания или Банк Ротшильда), оказались способны играть роли, сравнимые по своему влиянию на судьбы людей с ролью государственных учреждений. Поэтому граждане будущих демократий были в какой-то степени уже подготовлены к плюрализму мнений, борьбе интересов и разделению властей.

Совершенно иная картина складывается в случае, когда демократическая система отношений вносится в общество декретивно, сверху, и народ получает то, чего он не добивался. Ему как бы навязывается непосильная соревновательная система, при которой какие-то ловкие

и прежде незаметные люди умудряются успеть захватить самые выгодные позиции, а большая группа влиятельных, ранее привилегированных граждан отбрасывается на периферию общества вследствие изменения конъюнктуры или недостатка личной инициативы. Это, конечно, не значит, что демократия становится невозможной. Но это значит, что внутри общества у нее с самого начала появляются сильные своими прежними связями (и прежним опытом организации и манипулирования массами) враги.

"Доктрина Щаранского", обсуждаемая в кругах близких к президенту Дж.У.Бушу, сводится к простому (чересчур простому) утверждению, что, поскольку угроза миру всегда происходит от деспотических авторитарных режимов, инициирующих войны и захваты, следует направить усилия на демократизацию мусульманских стран и не надеяться на мирное сосуществование, пока в этих странах не установится демократическая общественная атмосфера. Такой подход предполагает массивную поддержку оппозиционных движений и снижение уровня снисходительности Западных правительств к военным амбициям мусульманских диктатур и их темным связям с международным террором. Кажется удивительным, что такая простая идея воспринята как "новая доктрина" в кругу прожженных политиков, которые направляют современные тенденции. По настоящему удивительны в этом деле только энергия и сила воли Щаранского, сумевшего не опустить руки, несмотря на многолетнее намеренное пренебрежение политического эстаблишмента к его "идеализму".

Суть дела в том, что политический эстаблишмент Западных стран вовсе не ставит себе революционную стратегическую цель улучшить (тем более, переделать) мир. В своей внешней политике он скорее озабочен сохранением стабильности, т.е. консервативной задачей сохранить мир в неизменном состоянии, вопреки неудержимому потоку изменений, вносимых временем. Хотя по большому счету это невозможно и такая позиция приводит к бесчисленным тактическим уступкам, она импонирует западному избирателю, который живет слишком хорошо, чтобы желать радикальных перемен в своей сегодняшней жизни.

Эта позиция находит поддержку также и в авторитетной концепции "конфликта цивилизаций" Самуэля Хантингтона, которая сводится к тому, что "Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут". В своей книге, опубликованной около десяти лет назад Хантингтон заметил, что "все границы, отделяющие мусульманскую цивилизацию от других, сочатся кровью". Однако западный, демократический образ жизни есть, по мнению ученого, уникальный феномен, сложившийся в Европе в результате редкого сочетания исторических обстоятельств. Он не может быть воспроизведен искусственно на иной основе, и ничего подобного не следует ожидать в ходе развития мусульманского мира и в будущем. Поэтому, с его точки зрения, следует оставить все как есть, по возможности лишь избегая прямой конфронтации с мусульманами, в надежде на постепенное угасание их агрессивности в перспективе примерно полустолетия. За это время их благосостояние, возможно, вырастет (а демографическое давление упадет) настолько, что заставит их ценить жизнь, какова она есть, больше, чем достижение воображаемых целей, диктуемых идеологией. Тогда появится шанс на разумно обоснованный компромисс.

Научный анализ Хантингтона безупречен. Но, как и всякая другая последовательная гуманитарная теория он годится для объяснения событий только ретроспективно при взгляде в прошлое и не имеет никакой предсказательной силы: "философы лишь различным образом объясняли мир". Никто из блестящих американских советологов (включая Р.Пайпса и З.Бжезинского) не сумел предсказать молниеносный развал Советского Союза. Теперь, задним числом, все понимают, что так должно было однажды случиться. Но если бы это случилось на десять лет раньше (или позже), весь сегодняшний мир был бы другим. Всякий новый прецедент в мировой политике радикально меняет все правила этой интеллектуальной игры с катастрофическими по масштабу штрафами.

Примеры вполне демократических сегодня Германии, Японии, Тайваня и Южной Кореи демонстрируют нам, возможно, общечеловеческий характер демократических форм жизни, ибо в этих странах также не было прочной демократической традиции до ее искусственного внедрения извне. Однако и Германия, и Япония оказались вполне способны к демократии,

только после сокрушительного военного разгрома и многолетней иностранной оккупации.

Разница между взглядами С.Хантингтона и призывом Щаранского совсем не в том, "возможна или невозможна демократия в мусульманских странах?". В конце концов это вопрос не для газетного обсуждения, а для историков и теоретиков культуры.

Серьезный политический вопрос о судьбах человечества в XXI в., который касается всех, состоит в том до какой степени либеральные Западные общества готовы к систематической борьбе с врагами демократии внутри мусульманского мира. Какие жертвы они готовы принести, чтобы дать свободу и шанс на будущее процветание другим странам и народам, не знавшим демократической традиции?

Вообще говоря, трезвая, циническая оценка западного эгоизма подсказывает разочаровывающий ответ: никаких жертв, кроме официальной благотворительности. Однако реальная ситуация гораздо сложнее.

Является ли внимание Дж.У. Буша и его окружения к "доктрине Щаранского" следствием случайного сочетания личных качеств республиканской правящей элиты и избирательной конъюнктуры или она отражает долговременную тенденцию в настроении американского избирателя? В частности, растущую массивную поддержку десятков миллионов христианских фундаменталистов?

Напор фундаменталистских настроений в мусульманских странах оказывает косвенное, хотя и запаздывающее влияние на религиозные круги других конфессий. В первую очередь, конечно, на евреев, но также и на христиан (и индуистов). Дело не только в обострении религиозных чувств верующих.

Возрастающий размах терроризма и ободряющая его агрессивная риторика мусульманских клерикалов пугает и равнодушного к религии обывателя и подталкивает его к нехристианским мыслям о расправе. Граждане демократических обществ оказываются в неустойчивом равновесии между двумя страхами: страхом террора, угрожающего во всякое время всякому прохожему на улице, посетителю в кафе и пассажиру в автобусе, и страхом войны, угрожающей людям с оружием в руках, которые знают, на что идут и для чего они это делают. Бывают ситуации, когда люди сознательно выбирают второй вариант. В Израиле этот мысленный выбор влияет и на выбор политический.

Разумный оппортунизм С.Хантингтона, готового к мирному сосуществованию с деспотическими режимами, подсказывает ему стратегию уклонения от прямого конфликта, насколько это возможно, и диктуется естественным национальным (или общедемократическим) эгоизмом. Мы, однако, знаем, что однажды такой оппортунизм уже привел к позорным Мюнхенским соглашениям, которые скомпрометировали политику соглашательства, но не предотвратили мировую войну. Повторения в истории не обязательны, но и не исключены. Нет такой "правильной" теории, которая бы подсказала безопасный вариант поведения перед лицом всеобщей смертельной опасности.

Энтузиазм Щаранского (и, возможно, до какой-то степени Буша) подсказывает Западу более активную позицию, позволяющую вмешательство в дела мусульманского мира до того, как обнаружится, что уже поздно.

Это не значит, конечно, что такая позиция гарантирует скорую победу нашей цивилизации, но она, по крайней мере, позволяет некоторый осторожный оптимизм при взгляде в будущее.

В любом случае одинокий голос Щаранского прорвал непроницаемую дымовую завесу, которой окружила взаимоотношения народов, принятая эстаблিশментом, политическая корректность, позволил всем участникам событий назвать вещи своими именами и вдохнуть свежий воздух реальной дискуссии.

В ОЖИДАНИИ ВОЖДЯ

Язык, на котором мы говорим, заранее ограничивает наши возможности выражения и ставит пределы, до которых может дойти наше понимание действительности. Язык политической корректности, который принят в современной политической жизни и эстаблишированной журналистике, прочно держит того, кто им пользуется, в кругу европейских идей позапрошлого века. Так же как уличный сленг сегодня на всех языках для передачи необходимых оттенков действительности вынужден включить лексику, прежде казавшуюся недопустимой, так и современная политическая мысль (практика уже давно опередила ее) вынуждена включить элементы, совершенно недопустимые с точки зрения либеральной морали и права.

Любое простое объяснение событий в истории не выдерживает детального анализа. Жизнь обществ держится такой многомерной паутиной условий и условностей, что распутать ее, чтобы отчетливо увидеть все взаимосвязи, почти невозможно. Зато насильственно разорвать ее и обеспечить простоту выбора может простое механическое воздействие, вроде взорвавшейся бомбы, иностранного вторжения, голода или эпидемии.

Конец холодной войны вызвал прилив оптимизма по обе стороны "железного занавеса". На короткий исторический миг показалось, что пацифизм торжествует, и европейцу не придется больше бояться атомной бомбы... А чего еще он мог бы бояться? В самом деле, до 11 сентября 2001г. террор не казался серьезной угрозой ни Европе, ни Америке. Израильяне для всего Западного мира выглядели чересчур чувствительными.

Что, собственно, произошло 11 сентября, что изменило течение жизни? Чем эта отчаянная атака на "американский империализм" отличалась от бесчисленных предшествующих подвигов террористов всех национальностей?

Невиданный масштаб преступления? - Но взрывы в Оклахоме, в Найроби и в Буэнос-Айресе, унесшие жизни сотен людей враз, не намного отстали по количеству жертв от Нью-Йорка.

Решимость террористов-смертников? - Но мусульманский мир веками практиковал использование смертников. (Термин "асассин"- убийца-смертник - возник еще у крестоносцев на Ближнем Востоке от слова "гашашин" - накурившийся гашиша.)

Дерзость замысла? - Но и это уже было - на несколько лет раньше те же небоскребы-близнецы в сердце Нью-Йорка уже подвергались нападению исламских фанатиков.

Может быть, блестящая согласованность и размах сложной, технически продуманной операции, спланированной на годы вперед - стратегический талант Бен Ладена? - Да, конечно.

И его выдающиеся качества вождя...

Но, может быть, еще важнее поразительное, чистосердечное единодушие мусульманского населения планеты, радостно одоббившее подвиг современного образованного героя-страста. В турецких овощных лавках Германии, в трущобах Газы и в джунглях Филиппин, всюду 11 сентября простые мусульмане, не отягощенные ограничивающими обязательствами политической корректности, искренне и откровенно праздновали победу.

Чью победу? Почему они посчитали ее своей? Откуда берется это единство в политически и религиозно многообразно расколотом мире Ислама?

Мы не найдем ответа на этот вопрос в книгах мудрецов. Потому что мудрецы полагают свою мудрость, по большей части, в исследовании добродетели. Для понимания полноты жизни нельзя, по-видимому, пренебречь и опытом злодеяний. Гуманистическая традиция игнорирует громадный опыт такого рода, накопленный человечеством.

Ответ содержится в книге Адольфа Гитлера, "Майн Кампф":

"Понимание слишком шаткая платформа для масс, единственная стабильная эмоция - ненависть."

Трудно одобрить этого автора, но, с учетом его бывшего немалого политического успеха, нельзя не признать его безусловную компетентность в психологии народов. Он не упомянул еще одну столь же сильную эмоцию - страх.

Эти-то две эмоции и предопределяют поведение больших человеческих масс. Миллионы мусульман всех толков Ислама объединяет ненависть к расширяющейся Западной цивилизации, несущей разрушение их патриархальной скованности и фатально обрекающей их на мучительное осознание своей неконкурентоспособности. При таком впечатляющем народном единстве для священной войны против неверных не хватает только выдающегося вождя.

Страх перед стремительно нарастающей угрозой со стороны мусульман объединяет все большее число избирателей и в странах Западного мира. Кстати, и это объединение в каждой стране также вызывает к появлению харизматического вождя.

При соответствующих политических условиях это в самом деле может привести к войне цивилизаций, которую пророчил нам профессор С.Хантингтон. Такие условия, однако, еще не сложились. Для войны цивилизаций необходимо еще совпадение настроения масс с интересами национальных политических элит.

Понимание всегда было уделом только элит. И это понимание предопределяло судьбы государств и цивилизаций. Вряд ли свободный мир могла бы спасти его (очень сомнительная, впрочем) верность своим благородным моральным принципам. И, может быть, против тотальной партизанской войны бесчисленных миллионов не помогло бы ему даже и очевидное техническое превосходство. Западный мир может спасти только подавляющее превосходство в уровне понимания противника.

Такому пониманию в элите препятствуют обычно два фактора: коррупция и идеология. По уровню коррупции правящие элиты мусульманских стран пока что не отстают от Европы и Америки. Но идеология - фактор специфический именно для Запада. Мусульманские народы заимствуют случайные обрывки западных идей, но, в основном, идеи не определяют их жизни, и они продолжают довольствоваться только своей религией. Действительно ли принципы (или, скорее, наличная практика?) этой религии несовместимы с принципами свободного мира?

"Ислам предъявляет к своим последователям пять основных требований: 1) исповедовать, что нет бога, кроме Бога, и что Мухаммед - посланник Божий; 2) совершать молитву; 3) жертвовать в пользу бедных; 4) совершать паломничество в Мекку; 5) соблюдать пост в рамадан." (Акад. В.В.Бартольд, "Ислам", Пг.,1918)

Что в этом наборе элементарных правил может помешать принять западный образ жизни? В самой формулировке, кроме деталей, как будто нет ничего отличающего Ислам от, скажем, христианства. Ну, не Мухаммед - посланник Божий, а Иисус - так ли уж важно, как зовут посланника с точки зрения буддиста (или марксиста)? Не в Мекку, скажем, велено идти, а в Иерусалим - стоит ли из-за этого копы ломать? Да и пост в рамадан - постись, когда хочешь, хоть круглый год, кому до этого дело! Здесь нет ничего, что могло бы препятствовать мусульманину с комфортом жить в Европе или в Америке.

Принципиальное отличие состоит не в содержании заповедей, а в форме представления добрых дел, как неотменимых законов, записанных в Коране в качестве обязанностей, не подлежащих обсуждению. Тот, кто этими обязанностями пренебрегает, оказывается вне закона и, в принципе, подлежит наказанию.

Еще строже Ислам относится к иноверцу:

"Творящих суд не на основании Божьего откровения Коран называет неверными и развратниками - слова, имевшие для человечества столь же печальные последствия, как и слова о беспощадной войне с иноверцами." (То же сочинение).

Переключить внимание верующих вместо собственных грехов на грехи нарушителей и иноверцев - это и есть безотказный механизм, позволяющий манипулирование большими массами людей.

Конечно за века, что прошли от времен дарования людям первоисточников до сегодняшнего дня, все цивилизации сильно видоизменились. И действующая практика во всех странах заметно отклоняется от первоначальной простоты. Но отсутствие прямых указаний в Новом Завете дало его приверженцам поводы много веков с оружием в руках обсуждать "единственно верное" толкование евангельского идеала любви. В итоге этого процесса им, конечно, не удалось достигнуть согласия, но удалось зато выработать образ жизни, примиряющий их с разногласиями человеческих мнений.

Не так повернулась история мусульманских стран:

"Законы, изданные в VII в. в культурно-отсталой стране, сделались предписаниями религии, и был отрезан путь если не для отступления от них, то для замены их другим, столь же авторитетным законодательством. ... Характерная черта законодательства Корана - чрезмерная заботливость о правах собственности и явно недостаточное внимание к правам личности." (То же соч.)

Воевать-то они воевали не меньше христиан, но до примирения с инакомыслием так и не дошли.

Христианство, хотя и несет свой идеал праведной жизни, никаких узаконенных формальных требований христианину не предъявляет. Царство небесное он может стяжать одной своей верой. После всех войн и смут христиане, таким образом, в конце концов оказались вольны сами выбирать форму своего служения. И слишком многие из них воспользовались этой свободой без всякого учета евангельских заповедей. Такая смущающая свобода от обязательств (кроме принятых на себя добровольно), вкупе с политической атмосферой предыдущих столетий в Европе, сделала современного христианина (хотя уже и почти без веры) поборником неограниченных (и всеобщих) прав, т.е. как раз "неверным и развратником" в глазах мусульманина.

Конечно, именно эта европейская идеология дает каждому отдельному последователю Ислама шанс достигнуть равенства. Но она же и заставляет подавляющее большинство оставших ежеминутно чувствовать свое унижение, поскольку равенство это предъявляет им непосильные культурные требования.

За одно-два поколения невозможно перепрыгнуть через все те века, что мусульманская мысль пропустила в своей, отчасти умышленной, изоляции от христианства. В IX в. в Багдаде "было предписано прекратить всякие споры о Коране. Халифы старались оградить народные массы от всяких рассуждений, опасных для бесхитростной веры" (то же соч.). В XIII в., когда Европа как раз вошла во вкус интеллектуальной дискуссии и догматические споры положили начало науке и развитию рационализма, в Исламе "догматические споры потеряли свою остроту не столько под влиянием мероприятий правительств, сколько под влиянием общего упадка культуры и понижения образовательного уровня народных масс" (то же соч.).

Европейски образованному человеку совершенно очевидны преимущества свободного образа жизни. Воспитанному на религиозных обязательствах, культурному мусульманину столь же очевидны недопустимая распушенность и разложение, которые неизбежно сопутствуют свободе во всех Западных странах. Для сегодняшних вестернизованных политических (и особенно военных) элит многих мусульманских стран (Иордании, Турции, Пакистана, Индонезии) ответственный выбор пути отнюдь не очевиден. Пока они не враждебны Западу и склонны соблазняться европейским образованием и сопутствующими ему либерально-демократическими ценностями, войны цивилизаций в полном смысле быть не может...

Современные демократические режимы обнаруживают свое сходство с авторитарными в том, что понемногу превращаются в диктатуры политических элит. Превращение это происходит просто в результате многолюдства, при котором невозможно учесть требования и амбиции всех. Но и авторитарии сегодня сходятся с демократическими режимами в том, что их элиты стараются приспособиться, насколько можно, к народным пристрастиям. И это, конечно, - результат того же многолюдства, при котором никакая армия не защитит элиту против

человеческого месива, одержимого единой страстью. Те и эти элиты как-то договариваются (и даже иногда сближаются) между собой, на благо или на беду своих народов. Но надолго обвести свои народы и противостоять их страстям не могут ни те, ни эти. И тогда открывается вакансия для разгула Случайности.

Некоторые деликатно называют такую особенность нашего времени "повышением роли личности в истории". Впрочем, у нас есть настоящий специалист по реализации маловероятных исторических событий, которого мне уже пришлось процитировать выше. Начиная 2-ю Мировую войну, 22 апреля 1939 г. Гитлер произнес: "Среди благоприятствующих факторов нынешней ситуации я должен упомянуть собственную особу и квалифицировать ее при всей скромности так: я незаменим... В сущности, все покоится на мне... Вероятно никто и никогда не будет в такой степени пользоваться доверием германского народа. Вероятно никогда в будущем не будет человека, располагающего такой властью... Я знаю свои способности и свою силу воли. Я не кончу войну, пока не сокрушу противника. Я не приму компромиссов. Судьба Райха зависит от меня и только от меня... Вот почему мое существование является политическим фактором наибольшего значения. Но я могу быть устранен в любой момент каким-нибудь сумасшедшим или идиотом... Нужно, чтобы эта война разразилась еще при моей жизни..."

Нужно сказать, что это не пустое бахвальство, и он довольно проницательно судил о политических событиях и действующих силах истории. Если бы какой-нибудь "идиот" сумел прикончить его в самом начале карьеры, никакой другой ответственный вождь при наличных ресурсах Германии не решился бы затеять безнадежную войну со всем миром, которую Гитлер, однако, успешно вел более пяти лет. Мы можем утешаться, что в конце концов он войну проиграл и худшего не случилось. Но 50 миллионов человек, что погибли на той войне, никто уже не воскресит, и вряд ли кто-нибудь мог бы назвать эту войну победой разума. Победой разума и гуманности было бы, как раз, однократное действие "сумасшедшего или идиота", которое бы эту войну предотвратило. Правящие элиты демократических стран предотвратить 2-ю Мировую войну не сумели. Их идеология предопределила фатальное непонимание ими решимости их противника и громадной силы его гипнотического воздействия на массовую психику...

Аналогичную идеологически мотивированную ошибку, хотя и в меньшем масштабе, совершил и Джордж Буш-старший, который оставил Саддама Хусейна по-прежнему во главе его народа, что было всем мусульманским миром интерпретировано, как его победа. В результате этой войны выяснилось, что можно бросить вызов гегемонизму Западной демократии и уцелеть, остаться в седле...

Если и Джордж Буш-младший не сумеет выполнить свою неблагодарную роль "сумасшедшего", который устранил не только Осаму Бен Ладена, уже обладающего уникальной харизмой в мире Ислама, но и все следы его талантливой деятельности, "незаменимый" вождь - этот или его заместитель ("халиф" по-арабски и значит заместитель) - может еще все повернуть по-другому...

ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

Наше время характеризуется ужасающим несоответствием между мизерностью целей и сокрушительной мощностью средств. Если бы дети в детских садах обладали силой взрослых, большая часть из них погибла бы в ежедневных схватках по ничтожным поводам ("Петя в сарае нашел пулемет - Больше в деревне никто не живет."). А если бы у них в руках оказались бомбы и самолеты...

Это не шутка, а реальная модель состояния современного мира.

200 000 человек было убито в маленьком соседнем Ливане в ходе гражданской войны. Ненамного больше людей погибло недавно в Индонезии от цунами. Два эти явления считаются качественно различными. О причинах землетрясений не принято спрашивать. Но я не до конца уверен и в том, что кто-нибудь сможет внятно сформулировать из-за чего была война в Ливане (или в Судане), и каковы ее результаты. Скорее она тоже выглядит, как нерационализируемое и все же регулярно повторяющееся природное явление.

Может быть, ничего исторически ненормального или злокачественного не содержится ни в исламе, ни даже в исламизме. Может быть это обычное природное явление, "детская болезнь" всех цивилизаций.

Пока скандинавы и венгры не вышли из дикости, они веками опустошали Европу, завидуя ее богатству. Даже, когда их короли приняли христианство, они не сразу заметили противоречие между указаниями своей новой религии и практикой. Никто из них и не думал подставлять вторую щеку. Толпы крестоносцев триста лет шатались по миру, ища применения своему религиозному энтузиазму. А с началом Реформации уже и богобоязненные христиане стали резать друг друга во имя Божие. Возглавляемые своими королями англичане, французы и испанцы столетиями воевали между собой, попутно вовлекая немецких, итальянских и швейцарских наемников. Война для европейцев была естественным состоянием общества, путем к карьере и наиболее почетным поприщем для благородного юношества.

Почему бы не позволить теперь и мусульманам порезвиться, повторяя зады европейского развития? ("Руку правую потешить. Сорочина в поле спешить... Иль башку с широких плеч у *татарина* отсечь..." - А.С. Пушкин) Столетняя война, Тридцатилетняя война, Наполеоновские войны, Франко-прусская война - лихие полководцы, красивые мундиры, славные битвы, национальный престиж, обожание женщин, "улань с пестрыми значками, драгуны с конскими хвостами" ... и грабеж, тотальный грабеж.

Почему бы не позволить и мусульманам резвиться ..., если только отобрать у них чрезмерно дорогую игрушку - современные европейские изобретения - взрывчатые и отравляющие вещества. (А есть еще бактериология и радиоактивность!) К тому же мусульмане начали на триста-четыре века позже Европы и еще не пережили отрезвляющего опыта Мировых войн. Средства уничтожения им насущно необходимы для их государственного престижа и народного самоуважения. Говорят, что большой мир и великие державы обращают свое внимание только на страны, владеющие атомной бомбой. Гражданам мусульманских стран не хватает общественного внимания (психологический механизм, кстати, хорошо нам знакомый по российскому опыту: "Зато мы делаем ракеты, и т.д." - Россия ведь тоже отстает на одну-другую сотню лет). Господи! Как был бы счастлив Израиль, если бы внимание всего мира к нему, хоть на время, ослабло!...

Когда европейцы еще с энтузиазмом играли в эти игры, в их распоряжении были едва лишь аркебузы и мортиры. Поэтому они не сумели полностью перебить друг друга. Хотя старались, как могли. Тогдашние убогие технические средства не позволяли им достичь по-настоящему впечатляющих результатов. Таких, чтобы каждая семья в каждой стране эти результаты прочувствовала до печенок. Выживших все еще оставалось гораздо больше, чем убитых и покалеченных.

Только первая Мировая война, благодаря всеобщей воинской повинности наглядно

познакомившая миллионы людей с применением бомб, отравляющих газов, артиллерии и авиации, была уже осмыслена всей Европой как грандиозная ошибка.

Когда Гитлер пришел к власти, повзрослевшее человечество долго не могло поверить в серьезность его намерений. Еще труднее было поверить, будто и трезвый немецкий народ настолько обезумел, что спустя всего двадцать лет был готов повторить свой неудачный опыт. Только этим, по-видимому, и объяснялись феноменальные начальные успехи гитлеровского руководства. Он ведь действовал в Европе, которая после осознанной бессмыслицы Мировой войны жаждала покоя любой ценой. И вправду, какая радость от войны может быть у взрослого человека?

Однако, "Гитлер лелеял в своем воображении героический мир: Сильные, жестокие люди всегда возглавляли и направляли массы. Они делали историю... Он восхищался Чингизханом - *Кровь не засчитывается тем, кто создает Империю.*" (Ян Кэршоу "Гитлер", 1997)

- Если это не детский склад личности, то что?

Стоит сравнить это умонастроение с сегодняшним текстом "Аль-Каиды": "История пишется только кровью. Славу можно обрести только на основании из черепов..." Напрасно мусульманским бойцам приписывают наивные мотивы ожидания райского блаженства. Райское блаженство не много добавляет к их детской земной мотивации. "Обрести славу" - очень земное стремление, хорошо известное Европе еще в XIX в. и не полностью забытое и сейчас. Это совсем не то же самое, что "обрести вечное блаженство".

Неправда, что мусульманские террористы абсолютно непримиримы. Вот, Бин Ладен не устает приглашать американский народ и самого Буша принять ислам: "Мы зовем вас в ислам, мир придет к тем, кто ступит на правильную дорогу. Я предлагаю вам увидеть радость жизни и избавиться от сухого, жалкого, бездуховного материалистического существования... Воспримите уроки Нью Йорка и Вашингтона (т.е. теракты 11 сентября 2001г.!), они даны вам за прежние преступления." - Можно считать это умеренным предложением, если поверить, что и западные люди просто капризные, избалованные дети, не ведающие чего хотят. - Им щедро открывают радость жизни, а они не берут! Не хотят мира. По-видимому, из упрямства не хотят "ступить на правильную дорогу". Поневоле приходится их наказывать...

Не тот же ли упрощенный, детски-романтический склад личности просвечивает и здесь? Заигравшийся ребенок диктует всему миру свои законы...

Это приподнятое состояние духа планетарного вождя - стратега Третьей Мировой войны - пропало бы втуне, если бы не услуги всей современной системы массовой информации (а также Интернета), растиражировавшей героический облик борца с "бездуховным Западом" по всему миру (особенно, мусульманскому миру). Не только оружие мусульманский мир получает от растленного, "бездуховного" Запада. Также и добровольное сочувствие людей, которые ищут в жизни экстраординарного, которым не хватает романтики, не хватает "идеализма" в слишком трезвой атмосфере свободных обществ, где "нет места подвигам"... Терроризм без западных масс-медиа - ничто. Людские и материальные потери свободных западных стран не идут ни в какое сравнение с моральными потерями от чувства незащитности, которое охватывает их граждан после каждого террористического акта.

Полдела сделано. Славу себе Бин Ладен уже обрел.

"Дети - это будущее человечества", но взрослые никак не могут отнестись к этой формуле всерьез. Даже средний биологический возраст жителей большинства мусульманских стран вдвое меньше возраста европейцев, а об их историческом возрасте не приходится и говорить. Вот, что писал еще в 30-х гг. XX в. серьезный культуролог: "Вступление полуграмотной массы в духовное общение, девальвация моральных ценностей и слишком большая "проводимость", которую техника и организация придали современному обществу, приводит к тому, что состояние духа незрелого юнца, не связанное воспитанием, формой и традицией, тщится в каждом деле получить перевес и слишком хорошо в этом преуспевает. Целые области формирования общественного мнения управляются темпераментом подрастающих юнцов и

мудростью молодежных клубов."(*Й.Хейзинга "Homoludens"*)

Эти слова говорят о причинах Второй Мировой войны (и удивительном военном воодушевлении немецкого народа при этом) больше, чем аналитические статьи политологов. В еще большей степени эти слова относятся к сегодняшним мусульманским странам, где техника и организация (благодаря содействию европейцев, конечно) уже придали обществам "слишком большую проводимость", но уровень общего образования еще не позволил бы назвать массу их населения даже "полуграмотной". Увещевания взрослых в такой ситуации превращаются в скучную либеральную болтовню, которую подростки на всех континентах привыкли стряхивать с ушей.

Многие публицисты стараются доказать (с помощью цитирования первоисточников), что сама религия ислама изначально пробуждает в душах верующих агрессию и нетерпимость. Им обычно возражают другие, которые находят, что религиозные заповеди ислама искажены и ошибочно поняты современными проповедниками-радикалами. Но, цитируя источники тысячелетней давности, можно доказать все что угодно. Значение имеет только народное понимание - не исторически реальный, а привычный, сказочный - образ прошлого, оставшийся в памяти поколений.

Ранний ислам, в отличие от христианства, не столько стремился смирить варварский дух народа, сколько звал их на новые дерзания. Коран и Предание ("Сунна") были записаны между жестокими боями и набегами в воинственно настроенной среде и проникнуты оптимистическим духом предопределенного триумфа.

Может быть, теперь и агрессивные наклонности мусульманских толп, и милитаристская риторика их священников ("джихад") объясняются вовсе не исходными принципами, записанными в Коране (кто там вчитывается в эти исходные принципы!), а памятью о грандиозном военном успехе, с которого в VII веке начался поход кучки полудиких номадов, воодушевленных новой для них идеей единобожия, на окружающие культурные страны, где эта идея давно уже потеряла новизну. Невиданный начальный успех тогда задал им их этику превосходства мусульман над всеми народами, и внушил уверенность в совершенстве их образа жизни, обеспечившего эти победы. Чем проще, тем победоносней, тем ближе к тому исходному раскладу, который по-видимому был любезен Всевышнему, раз вопреки всякой вероятности, Он чудом привел их к овладению полумиром...

Сложность стала проникать в исламскую культуру только от побежденных. От них же у мусульман появились и ремесла, искусства и науки. Первоначальный мусульманин (его архетип) - это воин, палладин, чья жизнь без остатка отдана войне за Веру. Этот идеальный образ (неважно насколько он исторически достоверен) и сегодня вдохновляет на самопожертвование мусульманского подростка, который еще не ощутил вкуса к жизни, но уже ищет случая проявить себя.

Смолоду очень трудно бывает осознать конечный характер всех обозримых ресурсов человека. В "расколдованном мире" конечны все пути человека, куда ни кинься: память наша ограничена - запомнить все, что нужно для успеха в современной жизни, невозможно. Возможности понимания в любую сторону встречают предел - что-то важное обязательно упущено. Ознакомиться со всем, что происходит в мире, не хватает времени. Даже проявить достаточное внимание ко всем, кто этого заслуживает, мы не в силах. Поневоле выбор оказывается случайным - внимание направляется на тех, кто ближе. При неизбежно ограниченном кругозоре трудно ожидать от людей памяти о том, что произошло в прошлых поколениях и, что могло бы, пожалуй, их вразумить, предостеречь. Им приходится помнить так много в настоящем, что на прошлое (особенно далекое прошлое) памяти не остается. Это относится не только к мусульманам. Мышление недоросля, которому не терпится заявить о себе, поневоле приобретает черно-белый характер.

Германия потерпела поражение в Первой Мировой войне по весьма веским причинам. Но уже следующему поколению, спустя всего 21 год, эти причины показались незначительными. И они развязали Вторую... Молодежь опять горела энтузиазмом. Начальные успехи Третьей империи и впрямь были вдохновляющими. Только старые, опытные генералы знали, что страна вступила на гибельный путь...

Подавляющее наступление Советской армии в последние месяцы войны (почти такое же страшное, как и ее предшествующий разгром) ускорило эту гибель и фактически спасло Германию от американских атомных бомбардировок. Романтический дух в стране на время угас и сменился тягой к покою. Может быть, не навсегда...

И чудесные победы начального периода ислама сменились со временем жестокими поражениями. Ислам в его конфронтации с Европой проигрывал одну войну за другой, пока в начале прошлого века Кемаль Ата-тюрк со товарищи не взялись за глубинную перестройку мусульманского сознания и приступили к преобразованиям, которые не завершены и по сей день. Но во всех мусульманских странах (в том числе и в Турции) и сегодня есть решительная молодежь, которой причины поражений Ислама видятся в ином свете. Эта молодежь горит энтузиазмом, отмечающим оппортунизм (слово происходит от английского opportunity, т.е. возможность!) последователей Ататюрка и ищет решения своих проблем на пути невозможного, т.е. чуда: "Пусть так случится, что мы ИХ победим! Ведь они дряхлые, а мы молодые. Они плохие, а мы хорошие. Они трусливые, а нашей отваге нет предела. Они в Бога не веруют, а мы для Него на все готовы!"

Однако, смириться перед Его непостижимой волей, которая даровала именно дряхлым и неблагочестивым народам бесценные преимущества, они не готовы.

Поэтому снова и снова эти люди во всех мусульманских странах тщетно пытаются подставить на место Его воли - свою.

В этом, собственно, они похожи на всех других.

Они готовы разбить голову об стенку, только бы не последовать примеру старших. Это выглядит скорее законом природы, чем заблуждением лидирующих групп.

Суть не в том, что манихейское видение событий в наше время получило более широкое распространение. Суть дела в том, что оно стало эмпирически гораздо убедительнее. До тех пор, пока можно было с основанием говорить о конфликте богатства и бедности, о вражде невежества к просвещению, даже о ненависти одной расы к другой, монистическое мировоззрение могло оставаться непоколебленным, а конвергенция противоречивых стремлений и конечное примирение казались возможными. Но в наше время все реальные противопоставления становятся только предложениями для вражды. Эдипов комплекс овладевает целыми народами. А само наличие вражды, ее включенность в природу мира и человека на наших глазах все чаще обнаруживает свой онтологический, трагически неустранимый характер.

САНДРО ИЗ ЧЕГЕМА И ПАЛЕСТИНСКИЙ ВОПРОС

Эскалация насилия в наших отношениях с арабами в течение последних лет вызывает тревогу не только у многолетних приверженцев левых партий, для которых вопрос о мире сводится к вопросу о собственной власти. Есть основания для беспокойства и для тех, кого вопрос о власти не волнует. Всякий человек хочет быть в согласии со своей совестью, и вопли мировой прессы и телевидения, решения ООН и всяких добровольных организаций, которые винят нас в превышении необходимой меры защиты и требуют объективности, не могут нас не задевать. Всякому хочется быть объективно правым.

Идея объективной истины нависала над нами с самого детства. Начиная от выяснений, "кто первый ударил?" в детском саду, до "настоящей причины Мировой войны". Сначала еще только Первой войны, а после шумных выступлений Виктора Суворова уже и Второй. Сюда входят и выматывающие душу выяснения "роли евреев в Революции", и смехотворные счета "от кого больше было пользы Советской власти - от физиков или от лириков?" Отсюда недалеко уже и до вопроса "у кого больше прав на землю в Палестине?".

Вообще говоря, объективная истина это что-то вроде абсолютной системы координат. Физики уже примирились с тем, что в космосе ее не существует. Но людям на земле сетка координат, привязанная к земной поверхности, кажется еще достаточно объективной, чтобы определять их взаимное расположение в пространстве. Сторонники Защитной стены между Израилем и Палестинской автономией так наивно и формулируют свое кредо: "Мы - здесь, они - там!" Действительно расположение в пространстве кажется объективным. По крайней мере, пока картина остается неподвижной. Можно ли столь же однозначно определить и взаимоотношение явлений - т.е. событий во времени? Особенно, событий в человеческом мире?

Для этого необходимо иметь возможность рассматривать их не только в общем пространстве, но и на одной шкале в общем времени. Это условие, как правило, не соблюдается. Несмотря на всеобщее распространение часов и унификацию календарей время остается прибежищем субъективности.

Расстояние все люди оценивают приблизительно одинаково. А время... молодые и старые, спортсмены и философы, европейцы и азиаты ощущают время по-разному. И столь же по-разному влияет на их оценку актуальных событий их прошлое.

Скажем, тот факт, что большая часть земель занятых теперь еврейскими поселенцами была в свое время заброшена и куплена у арабских владельцев на законных основаниях, в какой-то степени укрепляет нашу уверенность в своей правоте, но никак не влияет на настроение арабского населения, которое либо ничего не знает о своем прошлом, либо сознательно игнорирует его.

Юридическая идея "истины", которая выясняется в суде, основана на предположении, что объективная картина события, включающая необходимые причинные связи, существует независимо от того, что мы о нем думаем (значит хранится в памяти какой-то группы лиц и подтверждается документами) и может быть восстановлена в ходе тщательного расследования. Значит ли это, что примерно так же может быть прослежена и цепь событий, т.е. история народов? И можем ли мы полагаться на объективность этой группы и правильное прочтение аутентичных документов прошлого?

Народная память сильно расходится в своих оценках. В Париже на могиле Наполеона я с удивлением обнаружил, что Бородино, и даже Березина, названы там в числе памятных мест его воинской славы, хотя российская история числит эти сражения среди своих особо впечатляющих побед - "Скажи-ка, дядя, ведь не даром ?.."

Невозможно ответить на прямой вопрос, что на самом деле правда.

Человеку, погруженному в еврейскую традицию или знатоку истории тот факт, что мы живем на земле древнего Израиля много говорит, но для тинэйджера, который знает о мировой

культуре в лучшем случае по музыкальным клипам, все это уже расплывается в тумане. И две тысячи лет, разделяющие Моисея и Магомета, сливаются в одно неразличимое мифологическое "начало времен".

Даже у одного и того же современного историка оценка событий кардинально меняется на протяжении его жизни. Газета "Гаарец" опубликовала сенсационное интервью с израильским профессором Бени Моррисом. 20 лет назад проф. Моррис прославился на весь мир своими "разоблачениями" израильских "зверств" во время Войны за независимость 1948 г., заклеив их как "военные преступления". Теперь, после "интифады Аль-Акса", он пришел к выводу, что тогдашнее жесткое поведение израильского руководства было не только полностью оправдано, но, даже более того, оно было еще недостаточно решительным, чтобы окончательно изгнать из Израиля арабское меньшинство, фактически не способное к мирному сосуществованию.

Способность палестинского населения к сосуществованию остается под вопросом, но способность профессионального историка к таким "сальто-мортале" на основе одного и того же материала заставляет задуматься о самой возможности объективного подхода в остро конфликтной ситуации.

А что, если бы юридическая логика действительно доказала, что наше пребывание в Израиле незаконно (а какой, собственно, общий закон существует между нашим и арабским обществом?), мы хотели бы вернуться в Россию? И, размахивая книгой "200 лет вместе", требовали бы вернуть нам назад половину территории в "черте оседлости"? Это приблизительно то, чего хотел добиться Арафат и его компания, размахивая резолюцией ООН 1947 г., которую арабские страны тогда дальновидно отказались выполнить. Прошло 58 лет... Спустя три поколения можно еще продолжать считаться беженцем?

Для разных групп населения России одна и та же цифра участия евреев в Революции свидетельствует о совершенно разных явлениях. Для одних - это индикатор былого отчаянно неправомерного положения евреев в Империи, для других - свидетельство необыкновенной активности избранного народа, а для третьих - часть Сионистского заговора для достижения мирового господства. Выбор людей, конечно, определяется не статистикой, а тем, какие образы и идеи кажутся им наиболее близкими при моделировании события.

Образ "Империи", образ "еврейства", "идея равноправия" и "идея заговора" - или "мирового господства" - дают богатый набор сочетаний, позволяющий, как будто, различные частные точки зрения. Вскрыть "объективную" картину - значит оценить относительный "вес" этих факторов в историческом процессе. Однако, оказывается, что этот "вес" даже в одной и той же культуре меняется на протяжении жизни нескольких поколений не меньше, чем он поменялся у проф. Б. Морриса на протяжении одной его жизни.

Так, в современном европейском сознании "идея равноправия", конечно, вышла на первый план. "Идея еврейства" остается пока допустимой, "идея Империи" энергично осуждается, а "идея Заговора" - тем более "с целью достижения мирового господства" - даже не рассматривается всерьез.

Напротив, 200 лет назад на первом месте была как раз "идея Империи", "равноправие" всего лишь допускалось тут и там, но и идея мирового господства не отвергалась полностью. Впрочем, заговор с этой целью и тогда выглядел маловероятным, хотя "идея еврейства" осуждалась единодушно. В течение этих столетий соотношение образов в сознании европейцев изменялось таким образом, что по избранной шкале предпочтений можно было даже судить о политических взглядах человека или общества. Российская империя, в которой и к началу XX в. шкала столетней давности все еще оставалась приемлемой, считалась отсталым государством.

Хотя Россия и считалась отсталой в Европе, в собственном сознании множества русских людей из самых разных кругов Россия при этом была и осталась передовой и даже во многих отношениях опережающей всех остальных. Идея, что Россия вот-вот возглавит все человечество, приходила в голову почти одновременно и свободолюбивому "неистовому Виссариону" Белинскому и убежденному "душителю свободы", консерватору графу Бенкендорфу.

Для того, чтобы как-нибудь объяснить этот феномен, необходимо признать, что время у разных людей (и в разных цивилизационных группах) психологически течет по-разному и причинно-следственные цепи замыкаются неодинаково.

У Фазиля Искандера есть прелестный рассказ, в котором его излюбленный персонаж, Сандро из Чегема, ударил старика-сторожа городского музея в Гагре прикладом винтовки по голове. На суде Сандро спрашивают, как он мог так поступить. Тот отвечает, что сторож его оскорбил. "Каким именно образом?" - строго спрашивает судья. "Он пукнул в мою сторону" - отвечает Сандро.

... "Вы уверены, что он имел в виду именно вас лично?" - сомневается пораженный таким оборотом дела судья. "Но вокруг ведь больше никого не было!" - простодушно отвечает герой Искандера.

Этот ответ мог бы внести в израильскую политическую дискуссию яркий аргумент в пользу возведения "защитной стены", предназначенной отделить друг от друга народы с разными представлениями о мире. Оскорбительная идея проступка сторожа получает полноценное существование только на распахнутой границе двух замкнутых культурных миров, вступивших, в отсутствие стены, в невольный и неконтролируемый контакт.

"Небольшой процент" убийств, происходящий из-за просачивания через границы отдельных агрессивных индивидов и даже групп, возможно, не помешал бы нормальным отношениям между странами внутри арабского мира. Но нервным израильским гражданам с их европейским представлением о безопасности трудно с этим мириться. Мы могли бы сохранить "объективность" перед лицом террора, только если бы у нас было такое же отношение к смерти и человекоубийству, как у наших соседей.

В свое время в полемике с экуменической идеей Эдуард Бормашенко сформулировал в духе Спинозы фундаментальное требование к любому содержательному диалогу: "Когда два математика произносят два одинаковых утверждения, они имеют в виду одно и то же". Такое предположение (а это именно предположение!) следовало бы назвать **нулевой аксиомой математики**, ибо только после его принятия приобретают смысл все остальные определения и аксиомы. Проблема неадекватного понимания, на самом деле обязательно присутствует и во всех других человеческих коммуникациях. Особенно, если иметь в виду коммуникации между представителями разных цивилизаций. Любой язык (в том числе и математика) может вести людей к согласию, только если обеспечено предварительное согласие в нулевой аксиоме. Два человека, говорящие одно и то же на одном языке, должны быть предварительно уверены, что они стремятся к одному и тому же. Ибо, если цель одного из них - уничтожить другого, этому другому лучше прекратить разговор и подумать о спасении.

Для разных народов, государств, тем более разных культур, стратегическая оценка возможных намерений оппонента просто входит в обязанность правительств. Наше правительство уже много лет имеет дело с организациями и группами не делающими секрета из своего намерения нас уничтожить. Никаких общих понятий, тем более общего принципа, между Израильским и арабским руководством никогда не было. На какой же основе вести переговоры? Что выбрать за нулевую аксиому?

Вплоть до XX в. Западная цивилизация не нуждалась ни в каком одобрении со стороны остальных и приводила другие народы к согласию силой. Во многих исторических случаях (например, Япония) это привело к отличным результатам. Такое "согласие", однако, включало и усвоение множества свободолобивых западных идей (в том числе, например, идею "прав человека"), которые неизбежно вступали в противоречие с насильственным способом их внедрения.

Российские выходцы, хорошо понимают эту проблему на примере насильственного внедрения европейских порядков в России Петром 1-ым. С тех пор прошло 300 лет, но и сейчас не перевелись там ожесточенные сторонники допетровского уклада.

Основатель "Евразийской партии" Александр Дугин так и определил свое видение чаемого будущего "Евразийской" цивилизации в России, как "цивилизации пространства", в

отличие от беспокойной "Атлантической цивилизации времени", под которой подразумеваются либеральные демократии.

Недавний прецедент парадоксального культурного взаимодействия "цивилизации времени" с "евразией" - война в Ираке. По представлениям американцев эта война должна была обеспечить народу Ирака свободу. В какой-то степени это даже удалось...

Освобожденное шиитское большинство народа хотело бы теперь воспользоваться этой свободой в соответствии со своим правосознанием (сложившимся у них раз и навсегда около 1000 лет назад, когда в ходе борьбы за власть был убит халиф Али, ставший для шиитов святым) и расправиться с угнетавшими их много лет суннитами. Готовы ли "атлантисты" позволить им это сделать? Похоже, что - нет. Где же обещанная свобода?

Неожиданно выплыла на поверхность, бывшая нам привычной из школьного марксизма, истина, что государство, вообще говоря, есть орган насилия, и только насилие, слишком явно выпиравшее при Саддаме Хусейне, способно было сдерживать эти (и многие другие) враждебные тенденции в рамках неоднородного, деспотического государства, включавшего разные народы, каким был Ирак.

Должны ли (и могут ли?) американцы (чье государственное мышление сложилось под влиянием скорее противоположной идеи - "общественного договора" Жана Жака Руссо) применить насилие, чтобы удержать эти народы от взаимной резни, а бывшее это искусственное государство от распада? Искусственных, "неудачных" государств на Земле еще очень много. "По оценке Всемирного банка в неудавшихся государствах живёт около 500 миллионов человек." (А.Кустарев, "Kosmopolis", М.,1998).

Фактически, конечно, гораздо больше. Такое же нежизнеспособное государство "атлантические" благодетели планируют и для палестинцев, пренебрегая их неспособностью выполнять, возлагаемые на них обязательства, и нашей неготовностью мириться с вечной войной, которая от этого произойдет. Чтобы быть объективными с представителями арабской "цивилизации пространства", нам пришлось бы приспособить весь наш образ жизни к их нелепому стандарту.

Политическое развитие самой Западной цивилизации и распространение ее идей по планете в XX в. привело к тому, что для нормального существования мира политическим ее представителям стало казаться необходимым добровольное согласие чуть ли не всех народов...

Согласие, конечно, лучше конфронтации. Но достигалось ли оно когда-нибудь в истории добровольно? Может ли оно вообще быть добровольным? Может ли оно остаться добровольным вопреки течению времени (которое у разных народов течет по-разному) и всем сопутствующим конфликтам? Менее всего способствует добровольному согласию объективный подход.

Сионистская идея, первоначально снискавшая именно всеобщее одобрение (и в Европе, и в Азии) всех заинтересованных сторон, неожиданно вызвала недовольство части местных, палестинских феодалов. Соображения этих несовременных людей (и сами эти люди) казались европейцам в конце XIX в. настолько незначительными, что в течение последующих почти ста лет и сионистское руководство, и мировое сообщество просто игнорировали это препятствие, заглушая его громкими призывами к миру и дружбе.

За 100 лет, однако, небольшой еврейский ишув(иврит – община) в соответствии со своим субъективным чувством времени превратился в самостоятельное государство с принципами, несовместимыми с укладом всего ближневосточного окружения. И теперь уже дальновидная неговорчивость нескольких шейхов, упорно сосредоточенных на своей идее пространства ("оккупированные территории", "День земли"!), была осознана и широко осмыслена интеллектуалами, как якобы судьбоносный конфликт между цивилизациями.

Редкое арабское население, 100 лет назад одинаково равнодушное, как к политическим амбициям своих мнимых представителей, так и к наивным призывам евреев к совместному развитию, теперь обратилось в 2-3-миллионный "палестинский народ", лишенный средств существования и с малолетства воспитанный в уверенности, что его обманули и обидели, лишив родной земли, которую он любовно возделывал последние 5000 лет. Нет никакого смысла

объяснять им, что это не так. Такие объяснения обижают их еще больше...

Не только согласие, но даже и обсуждение подобных вопросов, не может быть обеспечено без принятия какого-нибудь общего принципа, который смог бы послужить начальной аксиомой для обществ, не имеющих между собой в культурном отношении почти ничего общего. Обменивать "территории на мир" - такое же пустое, бессодержательное выражение, как "поменять пространство на время".

Есть, впрочем, в Библии призыв, который внятен почти всем народам и, в первом приближении, мог бы рассматриваться как нулевая аксиома для всех: "Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло... Жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие... Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое..." (Втор. 30,19.)

Предпочтение жизни для всех жизнелюбивых народов кажется чуть ли не само собой разумеющимся. Если люди хотят жить, можно попытаться найти такую общую формулу, которая позволила бы им примирение перед лицом неминуемой смерти. Даже и "джихад" предусматривает такой компромисс для крайних случаев - "сульх" - перемирие. Однако, призыв "Избери жизнь!" становится действенным, только когда люди ценят свою жизнь и в самом деле чувствуют, что в противном случае смерть неминуема.

Таким было в свое время воздействие атомной бомбардировки на Японию... Подобным впечатлением для арабов был трехкратный разгром египетской армии в 1956, 1967 и в 1973, после которых Египет, (а фактически еще раньше Иордания) пошли на соглашение с Израилем.

До образования Израиля британские власти каждую неделю вешали лихих арабских разбойников, еще не догадавшихся тогда объявить себя идейными борцами против империализма. Но со временем в изменившейся международной обстановке, и отчасти пользуясь израильским либерализмом, "предводители клик объединяются с соплеменниками, издавна существующими на сопредельных территориях, создают там базы, втягивающие всякого рода маргинальный сброд, повстанцев и диссидентов. Эти формирования наёмников-подростков действуют как власти на подконтрольных им территориях. Война становится для них повседневным занятием." (А. Mbembe, Le Monde Diplomatique, Nov. 1999.)

Предшествующие слова написаны африканским автором на основе наблюдения жизни африканских стран, но они адекватно описывают и возникновение "израильско-палестинского конфликта" и многих других. Если мы хотим сейчас удержать арабов от убийств, мы можем сделать это только силой.

Нам не на что жаловаться. Через такое чистилище прошли все современные народы. Собственно, остались жить на земле лишь те из них, которые выдержали это испытание. Существование еврейского народа во 2-ой мировой войне оказалось под угрозой только потому, что в его распоряжении не было никаких внушительных коллективных средств защиты. Исполнителям геноцида ничто не угрожало.

В прошлом уже окультуренную западную Европу в течение веков разоряли гунны, готы, вандалы. Потом венгры, арабы и скандинавы. Славянские княжества веками страдали от набегов торков, печенегов, половцев... И ничто не могло остановить этот беспредел, кроме ответного систематического убийства. Профессиональные головорезы - рыцари, варяги - средневековый "спецназ" - были остро востребованы при всех королевских дворах. Ежедневно, выходя из дому, европеец рисковал быть убитым на улице. Не выходя, он тоже рисковал сгореть вместе с домом. Тогда еще не было и в помине "международного террора", или "освободительной борьбы". Просто - грабеж. Без лозунгов и объяснений.

У людей "евразийского пространства" идея постепенного накопления ценностей сформировалась не сразу, потому что сама эта идея порождается чувством времени. Исходно они представляли свое обогащение только "пространственно", в форме прямого захвата. Как пишет о нашем времени современный специалист: "Нищие общества многодетны и

"молодёжны". Существующие на грани выживания молодые люди из зон нищеты пополняют ряды повстанческих движений. Фактически они живут грабежом - институционализированным грабежом." (А.Кустарев, "Kosmopolis", М.,1998)

Т.о. глубинная психологическая основа явления осталась неизменной с варварских веков: для многих молодых людей и в наше время война и смертельный риск предпочтительнее, чем ежедневный труд и размеренное существование. Как написал чуждый застенчивости Э.Лимонов: "Определенный сорт мужиков испытывает биологическую жажду войны и никакая "цивилизация" никогда не сможет изменить их при-роду". Нулевая аксиома культурных народов существует не для всех.

Впрочем, встретив непреодолимые препятствия на пути разбоя, поставленные перед выбором между жизнью и смертью, некоторые вышеперечисленные народы рано или поздно нашли для себя образ жизни, позволивший им со временем включиться в сообщество цивилизованных наций. На это, правда, в Европе ушло несколько столетий.

Для той части человечества, которая живет с нами по соседству, эта история еще не закончилась. Она, собственно, еще и не началась. Только если у нас хватит решимости и терпения силой удерживать вождей палестинцев от войны, у них появится исторический шанс.

Недавно, произошло обнадеживающее событие, которое может коренным образом повернуть всю историю израильско-арабских отношений к оптимистическому варианту.

Футбольный клуб израильских арабов селения Сахнин с триумфальным успехом провел спортивный сезон в Израиле. Для амбиции арабской молодежи возникла новая точка приложения, которая может вывести их на экраны телевизоров не только в качестве убийц или жертв. Еще несколько таких событий и, может быть, наберется достаточное число смелых молодых арабов со вкусом к жизни, у которых хватит мужества прекратить бесперспективную, самоубийственную войну и найти себе и соплеменникам другое, достойное занятие. С этого момента и начнется отсчет времени в их обществе, которое пока что все еще принадлежит к "цивилизации пространства".

Пока это не произошло, именно объективная ситуация и справедливость требуют от нас сохранять ту меру насилия, которая диктуется нашим субъективным чувством безопасности.